

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 13 (391) ИЮЛЬ 1964

ПАРНИ С БЕРЕГОВ ВАХША

Ю. Абдашев «Искатели затонувших якорей»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРИНЦЕССЕ МЮРАТ

Приключения мысли

СМЕНА

40 ЛЕТ С ИММЕНЕМ ЛЕНИНА

...Упорство в достижении намеченной цели — было одной из особенностей Владимира Ильича. Он говорил, что надо идти к цели постоянно, упорно, не боясь никакой черной работы. Вот, мне кажется, та линия, которой вам надо держаться для того, чтобы стать ленинцами. Нужно связать свою жизнь с работой без дела коммуниста, руководиться революционной теорией, трезво смотреть жизни в глаза, не бояться упорной работы, тогда вы сумеете стать ленинцами.

Товарищи-комсомольцы, вся жизнь у вас впереди, вы живете в момент громадного социального сдвига, берите же знамя Ленина и, идя нога в ногу с массами впереди масс, идите к великой цели.

(Из реч Н. К. Крупской на первом заседании VI съезда ВЛКСМ.)

«В учебных мастерских фабзавуча уже подрастают 800 000 не просто фабзавуча, а на три четверти комсомольских фабзавуча».

«Отступил пререк массовый безработицы молодежи...»

Да, много сделано,— слышится за этими строками из документов того времени.— Много, но...

И это стало традицией. 1934 год. В активе ВЛКСМ—Харьковский тракторостроительный, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре, снявший леса с первых заводских корпусов...

1944 год. Три с половиной миллиона ребят, девушек в красных косынках, задумчиво и строго сверяющих по Ленину свою жизнь...

Да, не для красного словца. Да, много сделано, но...

1944 год. Шесть миллионов и Ленин... Позади тысячи километров солдатских дорог, впереди победа...

1954 год. Уже более десяти миллионов думают: достойны ли? И не вся доказательства помнят: восстановленные города, цветущие сады на месте руин, первые борозды на бескрайних просторах земли, имя которой — Планета Целина...

Да, полноправным хозяином страны, надежным помощником партии стал комсомолец. Но...

Без этого «и» невозможны успехи. Достойны. Потому что Ленин — это символ поиска, вечного стремления вперед. Нет границ для дерзкого полета ленинской мысли, нет рубежей для его мечты. Для организации, несущей на своем знамени его имя, нет и не может быть границ за пределами которых лежит успокоение.

И потому всякий раз во время строгой проверки сделанного намечаются новые рубежи, берутся на прицел новые цели...

1944 год. Сорок лет отделяют нас от того дня, когда шестой съезд РКСМ снятым взметнувшихся рук проголосовал: «За!» За ответственность перед памятью вождя, перед партией и народом, за верность революционным традициям, за горячее стремление идти в ногу с временем.

Сегодня, как и сорок лет назад, 22-миллионный отряд советской комсомолки повергает свои дела словами клятвы, принесенной 12 июля 1924 года...

В активе — сотни ударных строок. В активе — целинный хлеб и юные города, возведенные молодыми руками. В активе — энергичное участие комсомолки во всех областях жизни...

Сорок лет назад на съезде с гордостью была названа цифра — 800 тысяч фабзавуча, три четверти из которых — комсомольцы. Сегодня, как раз в

12 июля 1924 года на VI съезде РКСМ было решено: комсомол отныне называется Ленинским.

За этой сухой календарной строчкой над партером, ломаным, галерей — лес рук! «За!»

За этой строчкой — горячее обращение съезда: «Не для красного словца, не из желания носить лучше из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память Великого ушедшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи, прониклась единой волей и твердой решимостью научиться ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

За этой строчкой сырья комитет ячейки гдн-ибулд на Таганке или в вологодской глуши, на стене — портрет Ленина в траурной рамке и задумчивые, строгие лица ребят. Их пока немного. Их сьмьсот тысяч. Портрет Ленина и сьмьсот тысяч.

Что сделано! Что нужно сделать, чтобы стать достойным имени Ленина!..

«За неполных два года после V съезда нас стало не 235, а 700 тысяч...»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

13

(891)

1934

эти дни, с честью защищают дипломные проекты многие тысячи выпускников вузов, и редко у кого не лежит в кармане красная книжечка с профилем Ильина.

На шестом съезде с удовлетворением отмечалось, что комсомол все теснее шагает к учебе, делая походы оставив пресную и вялую «культуру», на союза подростков стал вождем рабочего юношества... Разбился сегодня в своих делах, мы с не меньшим удовлетворением отмечаем, что комсомол все активнее и активнее вмешивается в хозяйственные сферы, в сельское хозяйство, в производство, все более крупные проблемы намечает для разрешения и успешно с ними справляется.

От либерализма и фобизма — к системе институтов и университетов с самым высоким уровнем преподавания, от райдовых бригад «легкой кавалерии» — к мощному, технически грамотному, четко организованному во всеосюзном масштабе «Комсомольскому проекторю», от защиты рабочей молодежи от притеснений «спецов» — до участия в технических конференциях и в научных дискуссиях с правом решающего голоса.

Но, как и сорок лет назад, придирчивый юношеский взгляд пылко вглядывается в свое хозяйство: не утрачена ли в мелочах «быта» революционная перспектива? «Стоит ли Союз подрастающего поколения на верном пути?» И убедительнейший ответ на этот вопрос дает дело и имена людей, известных сейчас далеко за пределами нашей Родины. И все они воспитанники комсомола...

12 июля 1964 года... Эта дата не забыта в стечке Буден. Еще задолго до юбилей сигналам и поверке, сигналам к смотру прозвучал призыв магнитогорских комсомольцев-металлургов начать ленинскую эстафету комсомольских дел. И откликнулся по стране: «За! Поддерживаем! Замочемся!» Нат углока в огромной стране, где к славному юбилею не готовились бы трудовой подарок.

«Трудовой подарок на каждом рабочем месте» — это голос Ленинграда. Здесь борются за досрочное выполнение заданий двух последних лет самнитки по повышению производительности труда. «Дешь сверх плана машины, досрочно — заказы новостроек химии!» — голос уральцев, комсомолки Уралмашзавода. «Новые цели — досрочно!» — вклад молодых строителей и монтажников всеосюзной ударной — Невинномысского химкомбината...

Двадцатипятилетний отряд советской молодежи по самому высокому идеалу по самому высоким меркам поверяет свои дела. Да, высоко и чисто работ над нами знамя с профилем вождя.

Эта фотография хранится в Государственном музее революции СССР. Скупая надпись: «Комсомольский ленинский призыв. Завития комсомольцев по изучению программы и устава ВЛКСМ в школе железнодорожного учащегося Московско-Винзавско-Борженской железной дороги». Четырнадцатилетнадцатилетние подростки постигали премудрости славного дела, самостоятельно обдумывали первые детали, проходили практику в паровозном депо. А вечерами изучали программу и устава комсомола, который только что стал Лениным.

Вглядитесь в лица ребят — пытливые, любознательные, целеустремленные. Их руки уже приложены к молотку и молотку и выплюнку. Пройдет десять лет и эти руки поведут на Дальний Восток составы с грузами для

стравожесто Комсомольска-на-Амуре, с металлом для новых элоподов, с гитарами для первых колхозов. А еще через десять лет биография этих ребят пройдет через фронты Великой Отечественной войны.

В locomotiveм деле Московско-Винзавско-Борженской железной дороги, куда привела нас фотография двадцать четвертого года нам так и не удалось отыскать тех, кто изображен на ней. Не помог и бывший комсомолец Сергей Юковичев Иванов, мастер мехмашоборочного цеха, учившийся в те годы в школе железнодорожного ученичества. Сергей Яковлевич мы рассказали на субботнике. Протыкал с сильными, размахивая движениями, работал комсомолец двадцатых годов вместе с комсомольцами годов шестидесятых. Выростая за ними вновь железнодорожного

полотна ровная аллея молодых толодей — символ верности комсомольским традициям.

Мы не нашли тех, кто на старой фотографии, зато познакомились с ребятами, которые сегодня свято хранят замечательные традиции первых комсомольцев-ленинцев. Вы видите их на снимке — «знатки» мажорного толовова ГТЭМ I-014» — машиниста Александра Бродова и его помощника Станислава Соболева. Наши ровесники водят «комсомольских типлово», один из лучших в деле.

Две фотографии. Два поколения, разделенные четырьмя десятилетиями лет. Разные у них судьбы, непохожие биографии, иной темп и жанровый масштаб. Но и те и другие идут под единым знаменем, на котором начертано самое дорогое из имев — имя Ленина.

вину: скулящие, уязвленные женщины, оленя на ульцах, деревянные шапки тротуары, запах дров и снега, огромные, как колоны, заложенные печи в учреждениях и меню в столовой: мушкет, сыр, оленятина.

Ей предложили: оставьте фтизиатром у нас, в Салехарде. Все-таки будет польза. И снова ушла.

— Хочу работать хирургом!

Ее направили в Тазоскоек — сотни километров от Салехарда.

Вертелет шел низко над землей. Люда прильнула круглому окошку. Внизу была Бурятия, как ладоны, тундра с редкими низкорослыми деревьями. Бескрайнее пространство пестрело всеми оттенками зелени — от ядовитой-розовой до тускло-голубой. Редкими пятнами сиренево-розовые ленты рин. Она смотрела вниз, и в душе ее не было страха. Только восторг, как у путешественника, открывающего новые земли.

— Вертелет шел на посадочную площадку. Люда спрыгнула и сразу ушла по шиколке в грязь. В лицо ударил ветер. Резкий, холодный, совсем не такой, как на Кубани. А вот грязь была точно, как в Крыловской. И это почему-то рассмешило ее усидчиво. Подхватив чемодан, она потащила его к аэропорту.

— Товарищ Тур! — окликнула кто-то. Люда обернулась. Перед ней стоял худощавый человек. Молодой, чуть за тридцать. Вынимательные черты открытого лица.

— Главный врач больницы, Константин Павлович Мелешенко, — представился он, и взяв ее по локотку, понес к учрающему недалеко вездеходу.

— Хирург у нас уже есть, — сказал Мелешенко. — А вообще-то с врачами тут: в больнице не хватает четырех единиц. Определил вас фтизиатром...

Кажется, впервые в жизни у Люды потемнело в глазах. Приехать на край света, чтобы стать фтизиатром? Что это? Шутка? Издевательство?

Она едва слышала Мелешенко, увеличенно расквашенного ей в Тазоскоек. Оно-то здесь уже восьмой год, можно сказать, старожил. Работы невпроворот! Сейчас, когда геологи нашли тут залежи природного газа, открываются богатейшие перспективы. Тазоскоек станет расти, как на дрожжах. Будет новая больница, газифицированная, с горячей водой и центральным отоплением. Старую можно будет оборудовать под школу...

Слова доносились, как сквозь вату. Она сидела потупившись, крепко сжав дрожащие губы. Мелешенко заметил ее состояние, но истолковал по-своему.

— Конечно, не все это в порядке, — чуть грустно сказал он. — А пока вот... Страна больница и хроническая нехватка персонала. Был молодичка, что приехали, коллеги!

Люда встала. Сейчас она объяснит. Приозлила Мелешенко. С первым же транспортом она вернется в Салехард за новым назначением. Она хотела выложить все это Мелешенко, но ощутила вдруг такую усталость, что только слабо шевельнула губами.

Главный врач поднялся.

— Располагаетесь, — дружески сказал он. — Пока здесь, в ординаторской. Завтра с утра пойдем на обход.

Все оказалось гораздо сложнее, чем она думала. Люду бросило в руки за голову и сказал наркеле, как бабушка: «Ой, лыщико ж мое!»

Больница, в общем, ничего. Будет хуже. Оперативные палаты. Крутые железные печи, на которые она уже насмотрелась в Салехарде. Операционная. Амбулатория. Рентгеновский кабинет. Вполне современное оборудование. Полно лекарств. Но, господи боже мой, кто же должен все это делать? Рентген. Терапевтические приемы. Фтизиатрия. Обход больных, наконец!

Терапевта пока нет. Нет рентгенолога. Гинеколог — жена Мелешенко — в отпуске. Хирург — на специализацию. В наличии сам Мелешенко, седьмой-восьмой педиатр Григорин и она, Людмила Никитина Тур.

Мелешенко не агитировал. Он просто повел ее по палатам, где лежали больные с пневмонией, плевритами, обмороженными верхушками легких. Варские и дети, русские и немцы... Все они гля-

дели на нее доверчиво и облегченно: наконец-то приехали врачи!

Слова об отъезде так и не были произнесены. Приехали же повариха Идда, когда еще есть время — она зерном ругает себя за мытловство. Но ругать иссякает. И времени нет.

У нее по две приемы в день — терапия и фтизиатрия. Но поспешно С Мелешенко она видит рентген. Заменяя документацию. Надевается рентгеновники. А еще — ночные дежурства, аэзовы, неизбежные «П».

«Поздно вечером приехали из тундры остающиеся на зимовку женщины. Идда была одна над ней. Снова — коврики, глюкоза со стробантоном, кордиамином. Переливание крови... И смерть отступает. А Люда под утро встала на диване и уныло заснул и устал.

Она читала в тот вечер Адамову. У нее странное чувство: каждый раз, когда она вымучает кого-то, она помогает и ему. Адык. От него в Тазоскоек идут письма: все понял, осознал, выйду — нанму новую жену. И еще робко: «Людошка, а как же с тобой хирургией?»

Люда хмурится. А вот, хирургия не забита, но сейчас на очереди другие. Надо постигать фтизиатрию уже не по учебникам. Перед той же Иддой в ответ за каждую.

Легко сказать — в ответе... Как, например, объяснить с немцами, не зная их языка? Местами? Сколько курьезов случалось из-за этой жесткой! Большой труд палачам, наугад изданным под ребрты, ты чуждым. Но, конечно, через месяц Люда уже сносно объяснялась по-немецки. «Проявились способности», — писала она домой. И еще писала: «Не тревожьтесь, здесь хорошо, мне нравятся».

Ей действительно нравилось Тазоскоек. Высокое чистое небо, белый серп луны среди дна, широта, простор. И контрасты: чумы и буровые, оленьи упряжки и вездеходы...

Она не могла не заметить. Приехали молодые супруги — хирург Николай Богданов и его жена, терапевт Люда. Вернулись из отпуска гинеколог Тамара Андреевна Петренко. Не дошло Люда осталась фтизиатрицей и рентген. Врач Тур пригласила к своим прямым обязанностям.

Ей помогал все: Мелешенко, Григорин, Тамара Андреевна, прививатель и добрая чета Жуковы. Следили, чтоб ела, кутала горло, надевала шапку, не переохлаждалась, чтобы не заблудилась к себе, кормила пирогами, всякой вьюжностью.

Поздней осенью она все-таки потрагивалась на Север: заболела воспалением легких. Ее лечили с таким энтузиазмом, что даже, кажется, немцы участвовали.

Флобер писал когда-то: «Стиль — это человек», Перефразируя великого француза, можно сказать: люда — это стиль. Стиль поведения, работы, жизни. Стиль Тазоской райбольницы — дружелюбие, юмор, человечность.

— С такими людьми можно хоть всю жизнь работать, — сказала мне однажды Люда. Она грелась у печи, измотанная ночным дежурством и беспоконным днем. Надежно накрыта.

Ее учили, и она училась. Ассистировала Тамаре Андреевне, консультировалась у хирурга, педиатра...

Она потихоньку стала деть. Немцы и русские ребята шарились в ней запястьи, как «Мамы». Она глянула с нимнм запястьи, как равная, а потом выслушала, просвечивала, лечила...

Туберкулез... Здесь, на Севере, у него особо белоприятная форма: плотные образования, основная недостаточность, злые ветры. И все-таки многие в Тазоскоек достигают хороших результатов. Рецедит простой: новейшие препараты плюс заботливое, плюс хорошие питание.

Недавно пришла писемка из Закарпатья. Бывший работник райкомбината просил разрешения приехать лечиться от туберкулеза в Тазоскоек. Вероятно, это был уникальный случай: из Закарпатья — в Заполярье!

Она потовалила с поездками в тундру уже с осени. Люду бросило много лет: не давали поезда. А потом очистилось небо, затрещали морозы. Пора в путь!

«Маленький санитарный самолет летел в Гыду. Термометр показывал минус сорок пять. Под скамьями сидели аккуратно упакованные и упакованные рентгеноаппарат, пленки, ампулы. «Улететь» самой было не так-то легко. Несмотря на меховые брюки, куртку и валенки, она застыла до того, что почти не ощущала собственного

тела. Ее спутник, рентгенотехник, тоже, кажется, чувствовал себя не лучше.

Внизу замелькали огни. Люда удивленно прикрикнула на повариху Идду.

— Факель! — воскликнула техник. — Да не! Самолет шел прямо в тундру. Вокрыт полыхали огненные языки — горела солярка в железных кобробах.

К самолету выскочило все население Гыды. Закомлился, расстрелявшись о новости. Люда отодвинула, еле ворочая застывшим языком. Ее подхватили под руки, повели коринти, гаться... «Работы было много. Каждый день через тундру одна ходила в интернат для детей, рентген. Потом начался сезон взрослого населения. Рыбкомбинат, полярия мезостенция...»

Метастензия Люда запомила особо. В небольшие деревни жили четыре семьи. Молодые, дружные, счастливые. Обшая столовая, обшая кухня. По вечерам не умолкали шутки, песни, смех. Люда уезжала от них с грустью. «Как в коммунале побывала», — вздохнула она про себя и несколько подумала: будет ли у них так с Адольфом?

Все дальше и дальше уезжали они на Север. Поселили, стобичка, чумы... Земли тут не считают, не меряют — от чума до чума поперты сотни километров.

В Гыде было много белых оленей. И когда немцы в белых маляках гнали белых оленей упряжки, Люда казалась, что она в сказке Андерсена. В той сказке, любимой с детства «Снежной королевы».

«Недавно пришла телеграмма: Адольф вышел на свободу. И он хочет приехать к ней, в Тазоскоек».

Шесть лет — большой срок. Я осторожно говорю об этом Люде. И еще о том, что надо бы подожать, подумать...

Я вижу на ее лице то же непреклонное выражение, с каким она впервые глядела на Пымакова, и умоляю. Все обдумано. И ждать она будет ровно столько, сколько понадобится, чтобы доехать от Крыловской до Тазоской...

Мы обживали новую Людину квартиру. Просторную, светлую, с высоким потолками и большой кухней. Правда, тамбуры пока продавало насквозь, и от буржуйки оставались обои на стенах, но со временем все устроится.

В квартире царила идеальная чистота и почти такая же пустота. Узкая белоснежная кровать, стол, старый ивальный диван... Люда сидела на него наивней, чем когда-либо, и вдруг присобрал даже стильный вид. Девалье пошла стирка изобретательства.

Люда работала и пела. У нее оказалась красивая, мягкий голос. В каждом ее движении чувствовалось нетерпеливое, радостное ожидание.

— Я все сделаю, — сказала она, и щеки ее запылись румянцем. — Абсолютно все! Только бы он работал, учился, стал человеком...

Признаюсь, я подумала: везет же парню!

Накануне моего отъезда мы не спали далеко за полночь. Сидели у дышащей жаром печи и говорили, говорили...

Через три дня Люда снова собиралась лететь в Гыду, а потом делала — по факторам, по чумам... Она мечтала о межрайонном диспансере, о новых методах лечения, о том, что туберкулез полностью исчезнет из этих мест, о все, о чем вдруг присобрал даже стильный вид. Девалье пошла стирка изобретательства.

«...Как, разве, можно?! — с искренней обидой сказала она. — Просто я нашла тут себя. Тылар-то я и займусь грудной хирургией. Летом обязательно поеду на специализацию».

...Самолет ушел днем. Мы попрощались у амбулатории. Люда спешила на прием.

Вдруг она свернула в сторону маленького лет шести с ширококрылой озерной фантомной и с радостным визгом повалилась в снег.

— Ямочки! — вскринула Люда и моментально подхватила озерника на руки.

Вездеход тронулся. Последнее, что я увидела, была толпа людей в красном пальто с узкоглазым мальчиком на руках. В морозном воздухе звонко прозвучал ее голос:

— До свидания!

И я от всего сердца ответила:

— Счастливого оставаться!

Владимир БУТ

Фото В. САККА

ПРИДЕТ ОДНАЖК

Здесь ровень с горами останет плотина.

«Работает» взрыв.

Знакомство было случайным. Одно из тех мимолетных знакомств, что тут же забываешься. Вало ли с нем приходится сталкиваться на большой стройке, когда среди тысяч людей, словно иглоу в стоге сена, находишь нужного человека, распрашивая о нем каждого встречного. «Нужный» не находился. А этот... Я уже собрался уйти, но что-то удержало меня возле невысокого, плотного парня в спелочне и шахтерской фуражке, назвавшегося Динаревым.

— Вы инженер? — Обижаются. Проходчик, — ответил он, нахмурившись, словно хотел сказать: «А при чем тут я?»
Мы стояли на самом краю обрыва, на левом берегу Вахша. Выл солнечный день. Навалили прошли дожди, и как-то по-особенному ярко светилась вымытая зелень на крутых склонах. Ляйлась река, прорываясь сквозь узкую горловину. Я поднял камень, швырнул вниз. Камень ударился о воду и не сразу пошел на дно, а пронесся по поверхности, улавливаемый те-

чением, будто плюхнулся на ленту транспортера.

— Какая сила! — Динарев ничего не ответил. Лицо его было мрачным. Казалось, ему глубоко безразличны и простейший красавец Вахш, и фантастически причудливое нагромождение скал, и ясно, подслепенное небо над горловой...

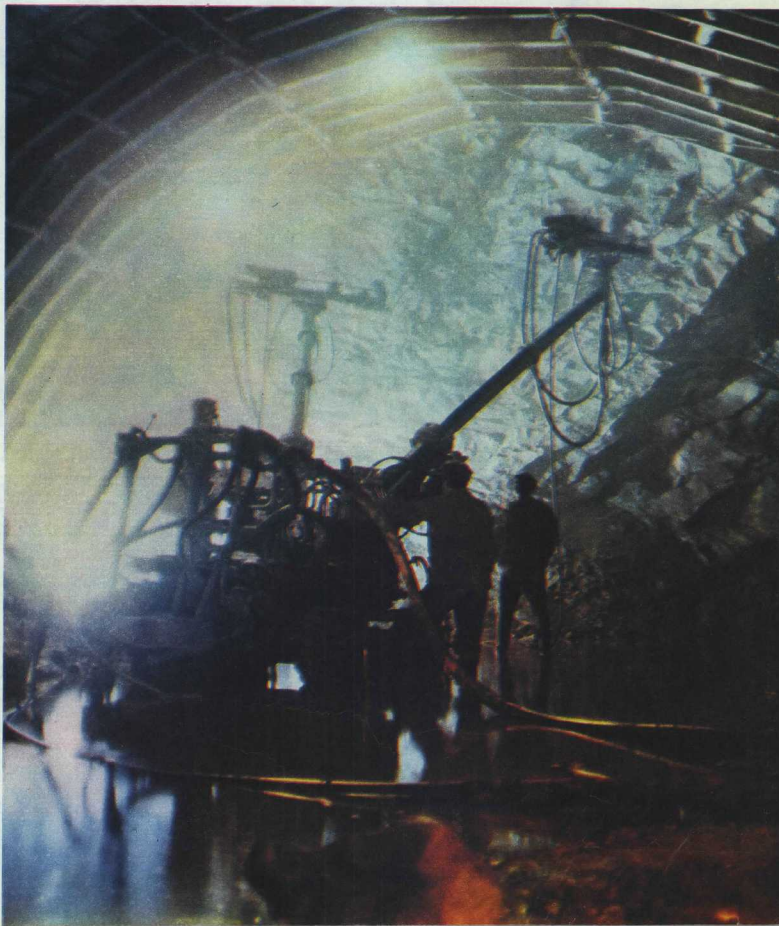
— Вам не нравится здесь, в Нурае? — вырвалось у меня.

— Горизонта не хватает, — проговорил Динарев угрюмо, и я подумал,

что он, наверное, отсюда-никуда из степных краев. И тогда понятно, почему не радует его здешняя красота.

Он очень точно выразил то, что не удавалось мне самому уловить в своем отношении к Нураю. Второй день мотался я по его дорогам. Гигантский прямоугольный зеленый земли, огороженный горами. Привал, по линейной улице новеньких крупнопанельных домов. Улица Ленина. Еще несколько улиц, свечер, «пятачок» — чистый, засаженный акациями, и еще несколько — только-только нарождающихся, с

ДЫ ТЕЛЕГРАММА..

Через шесть минут заведо Михайла Дикарева примет смену. А пока... Еще одна из неистощимого запаса горняцких шуток...

сверли норобками стронцегося милья. И посели — вагоны, палаточные. Все разбросано на большом пространстве, и поэтому все в дорогах, в сетке дорог. Юный, с огромным запасом потенциальной энергии горой. И вот «горизонта не хватает»... Действительно, хотелось подняться, взглянуть за гребни гор, глотнуть простора...

— Вы правы, — сказала я, — уж очень тут стеснено все этими горами. Тесно Куреку. И Вахуку вот тесно. И человеку тоже, особенно привыкшему и степи или к морю...

Он посмотрел на меня с недоумением, ухмыкнулся, словно я сорозила какую-то глупость.

— Извините, — сказала, — мне пора. И, не оглядясь, пошла по направлению к черной пасти туннеля. Странно действуют горы на людей...

II

Я не забил о Динареве. Весь вечер вышагивая из угла в угол по крохотному вагончику, куда повестились вены, как «привыкшего и комфорту» мюскина, я старался докопаться до причин непонятной яркости этого странного парня, до истинного значения его слов: «Горизонта не хватает»... Чужие человек! Ему ходить бы развешенно, говорить громко, улыбаться по поводу и просто без всякого повода, от избытка силы, здоровья, энергии.

А он...
Надо было найти его, договорить, монет, даже поспорить.

— Теперь, когда дела меня уже не серпят, отчего был угрюмым Миша Динарева, когда мне многое стало известно о нем и его друзьях, я в идиотскую воспоминанию нашу первую встречу. Теперь я знаю, о какой горизонте говорил Динарева и чего именно ему не хватало. То была не близкая, не

«странное воздействие гор» и не мимолетное настроение. Все имело свои конкретные причины. Это длинная история. Я старался вернуть события. Мне надо было проехать в Нурии погудя назад, в декабре шестьдесят третьего, и тогда я увидел бы ее начало. Надо бы и еще раз съездить к ребятам в ближайшем будущем, чтобы посмотреть, чем же кончился начатое ими дело. Только когда съездить? Не знаю. Твердо знаю одно — все кончилось хорошо...

III

В туннеле работали шестеро. Двое не могли ни на минуту отойти от буровой самоходки. Тело ее сотрясало от напряжения. Два бора, нем штаны, воткнулись в наметную грядку забоя, и нужно было неотрывно следить за ними.

У двоек было по горно слодко. Четверо же сползли по углам, не зная, куда себя деть. Гул Шарипов собирал разбросанные доски, будто не знал, что это ни к чему; прежде чем придет время крепления, появятся взрывники, заковет в шугу заряды, гринет заряды, и доски все равно разберает волной по забоям. Два Юрия — Идатов и Шугля — принастились на навах и молча курили. Разговоры у Гудов нашся способ избавиться от махты — привалился к стене, уткнулся в учебник. Студент-заочник политехнического института. Толя Гудов старлся проводить время с пользой.

Динарева исоса поглядывал на сонные лица ребят и в такие минуты прораставал ощущать дрожь машины и слышать грохот — будто уши зашатались ватой. В забой совершалось что-то мелкое, возмущительное. Такое бывае в кино. Вдруг портится что-то

в будке кинокамеры. Перестает двигаться лента, застывает кадр, люди заморают в нелепых позах, останавливается жизнь на экране. И тогда хочется затопать ногами, аквистеть, закрякать: «Слонинкин!».

«Интересно, — думал Михайла, — всех ли возмущает подобно? Или для этого нужен особый характер? Молодость? Комсомольский возраст? Спросить бы об этом у самого начальника «Гидростройа» Николая Владимировича Минанова...

Перехватив взгляд Шарипова, Динарева махнул ему рукой, закричал:

— Постой тут за меня! Надо поговорить с ребятами.

Гул согласно кивнул. Видно, понял, о чем будет разговор. Гулу тоже надоела эта канитель. Надеюсь, что бригада не проходит даже положенных по норме сотню метров в месяц.

Четверо отошли подальше от забоя. Устроились в нише для разворота самосвала. Тут можно было не кричать.

— Будем считать, — сказала Динарева, — Толя доставь карандаш.

Гудов полез в карман. Никто не спросил, что именно собирались считать Динарева. Всем было ясно.

Начени с арзам, — продолжил Михайла. — Бурья назначена на восемьдесят. Сколько уходит на проветривание?

— Ну, минут сорок, — недоверчиво поглядывал на Динарева, подкасал Кравова. — Только эря все эта арифметика.

Ирши, Толя, — будто не слышал Динарева последних слов Кравова, — сорок минут все равно ничего не делают. В девять тысяч вымени горды. Велет экскаватор. Мы на оброне забоя. Берите, трое. И то до двенадцати. Остальные трое, так сказать, на подходе. А после двенадцати до пятнадцати забрывает все шестеро. Сколько это часок?

— Нет, постой, — перебил его Гу-

дов. — Так нельзя. Надо в человеко-часок.

Посчет захватил их. Даре Кравова перестал носить на «арифметизму». А арифметизма была такой, что в нее не верилось. Получалось, что за щил (от арзма до арзма) бригада поступает 100 человеко-часов — ровно половину рабочего времени.

Думали, монет, ошиблись. Пересчитывали все заново. Ошибки не было. Была все та же цифра — 100! Эта цифра влезла за собой другое — 80. Выходило, что, обеспечив лишь самое элементарное — питание, загрузку монет каждого человека в течение всего цикла, можно довести месячную проходку туннеля до 80 метров.

Это вдвое больше установленной нормы и на треть больше самой заветной «вышкин», самую когда-либо называли прощальцы в своих социалистических обязательствах!

Метерный Гудов сорвался предлоном немедленно отправиться в управление «Гидростройа» и учинить погром всем наименованным расчетам и нормам.

— Ну что они могут нам сказать? Что мы фантазеры! — кричал он, размахивая руками. — Так вот же, вот выходи!

— Погоди, — попридержал его Михайла. — Наши выкладки — это еще только полдела, они говорят о недостатках. А как все повернуть поному, что предлоном, ты знаешь? Нет. И я не знаю. Надо думать...

Динаров был сырым, холодным. После сны на улицу не хотелось носа высовывать. И вдруг среди монет стук в дверь: «Володя, это мы!».

Они пришли к Ташкуну.

— Ты видишь, горный мастер, Давай посмотри наши расчеты.

Их стало трое, и идея приблизилась на треть. И уверенности больше; у Тамкина все иже специальная горная образование...

Юрий АБДАШЕВ

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

«ХОББИ»

Славка вышел на берег и остановился. В это ранний час особенно остро пахли морскими водорослями и тиной. Он опустил на землю брезентовую сумку и сбросил сандалик. Крутящаяся галька под ногтями еще кричала ночную прокладку.

Сегодня Славка надеялся выловить каменистого краба и снять его на цветную пленку. Подошел мальчишка лет десяти в трикотажных девчачьих трусиках. Он был присоседен до черноты, словно его только что выткнули из домашней котлины.

А, большак! — улыбнулся Славка. — Поицка, парень, иди-нобудь жестинку посподиное. Вудем крабов варить...

Славка снул штаны, наткнул на ноги ласты и, поплывав в маску, растер пальцем стекло, чтобы не запотевало. Зашел по колено в воду, помылся. Ночной ветер устал и морозную воду.

Подводное ружье Славке заменил небольшой сапог из мелкоячеистой хавсовой сетки. Говорил же изыком самого хозяина, сетка была анчусовой. В сущности, это означало одно и то же, но второе название казалось ему более романтичным. По той же причине обыкновенную скубрию он торжественно именовал макрекью. В этом слове ему чудился прозительный блеск и ритм атлантического океана. Таков уж был Славка...

В Эте, маленьком черноморском селении, к нему успели привыкнуть, как привыкли и треску цинда, и запляска морского прибой и крику чаек. Если ливарь приносил с собой бесконечные дожди и порывы ветры, а март — цветение миндаль, то август знаменовался прибытием Славки.

Из-под красной, обожженной солнцем кожи у него проступали вытумленные сплетения мышц и некоторые находили, что Славкин торс напоминает ядро раскрашенной муляж человека, знавший со школьных лет по урокам анатомии. От ветра и соленой воды его лицо, спина и плечи так шелушились, будто он только что переболел скарлатиной. Кожа на носу топорщилась прозрачными чешуйками, вызывая невольное желание пойтись по ней распылком.

Этого человека здесь все называли Славкой, даже дети. Кучервая светловолосая голова у него всегда наклонена вперед, и это придавало Славкиной фигуре выражение упорной стремительности.

Привсо с дороги Славка чкался и морил, высывая бурю лизования среди местных мальчишек. Как всегда, он шел без рюкзака с немалым количеством спортивных броччицах, подвнутых до колен, и в дешевых стоптанных сандалях. Через плечо у него висела неизменная брезентовая сумка, в которой он тащил фотоаппарат с «клеточками», удлинительные юльца и целую кучу светобатарей.

С Голос у Славки звучал по-летучиному высоко. Говорил он с забавной

хрипотцой, временами срывался на вздорный фальцет. Ончи в молочной опьяне слегка уменьшали его голубые глаза с густыми выгоревшими ресницами, и это придавало им плывущее выражение.

Тут никто не интересовался его возрастом и родом занятий, и вряд ли кто-нибудь, кроме самого Славки, знал, что ему уже за тридцать, что в военно-инженерной академии слушателем назывался его товарищ майором, а коллега по кафедре — Вячеслав Игоревичем, что он автор труда о фундаментах и основаниях, знающего многим строителям крупных технических сооружений. Только все это здесь не имело никакого значения.

Славка обладал редкой особенностью: он сумел сохранить в неприкосновенности много, много мальчишеские черты. Окружающие смотрели на это по-разному. Имена Ирина отдалась и его восторженной непосредственности с несравнимым осуждением, отсутствием солидности, которая соответствовала бы его положению; друзья видели в этом проявление чудачества, свойственного многим талантливым людям; остальные же до этого попросту на было никакого дела.

Славка любил Эту. Ему всегда казалось, что она стоит где-то на самом краю земли. Он не мог представить отдыха в другом месте. Его привлекало море в чистом, первозданном виде. Ирина находила удовольствие в другом: ее тянуло и шумным пляжем, модным прическами, запотевшими фуражками, и тому, что она называла «пестрыми величавыми козками».

В пассажирских вагонах есть переходные площадки. Сидеть здесь в полу видно железнодорожников попутно. Многие шталаи, балластный гравий, жалкие трамваи, аса это в неостановившейся быстрой проносится назад, в прошлое, словно ссыпаются в огромный мешок.

— Если ты будешь смотреть в эту дырку от Москвы до Воронежа, — убеждал жену Славка, — тебе не захочется никуда курортот, кроме Эты. Все, что есть в Сочи, можно найти в Москве, даже по более низким ценам. Кроме моря, разумеется.

— Но в Москве не найти свободной комнаты отелей, Ирина добавляла с присущей ей решительностью. — Я еду в Ялту!

Детей у них было. Ирина говорила, что Славка не созрел для такого отрыва от привычного. По ее мнению, слишком мало серьезности. Для того, чтобы быть отцом, недостаточно хорошо зарабатывать. Ирина считала мужа оригиналом, хотя все чудачество его в конечном счете было, Ирина знала, что он не подстраивался под чужие нравы. Он всегда оставался самим собой.

англичан в хобу распротраненное словечко «хобби». Это — увлечение, приверженность к чему-то, которое не так-то просто. По отношению нормального человека есть свои хобби. Даже если оно не имеет ничего общего с профессией: шахтер выпинает любимом, физик собирает

марки, летчик составляет кроссворды, а бухгалтер ищет бумажных змеяв, используя для этого черевички голенистого отчета. У Славки тоже было свое хобби. Точнее, целых два. «Зенит» и лодочный мир. Вся корюшка у них была увешана фотографиями рыб и уплетанными под стекло водорослями. На полках и шкафах красовались высушенные крабы, морские моллюски и подвешенная розовой эмалью вилка раковины. Это был его второй мир, совсем не похожий на тот, где постоянно приходилось иметь дело со всевозможными нагрузками и сопротивлением материалов...

КРАБЫ ХОДЯТ БОКОМ

Рыбы имеют обывкомые повадки головой вперед, рак передвигается в противоположном направлении, а крабы отвергают и то и другое — они предпочитают ходить боком. Причина заключается в строении конечностей краба. Почему именно они избрали такой необычный способ передвижения? Должен же в этом быть какой-то смысл.

— Зачем тебе это нужно? — издевался Борис, Славин сосед по квартире в Зетэ — это же не имеет никакого отношения к твоему делу.

Славка действительно не знал, для чего это нужно, но просто испытывал потребность разгадать маленький секрет природы. Но Борис тактич. В случаях он отвечал туманно и многозначно.

Отчего же! Вот структура пенильных сот, говорят, помогла инженерам создать геодезическую мушкетю...
— Куполом, ну и по — переразработанная — Борис. — Пущай бакалавр скажет, как из морской шапкы самогон гнать. Это — дело!

Славка, уверенно работая ластами, Славка плыл в открытом море. Вода покрывала его доменные галзу предметы в прозрачно-голубоватые тона. Справа, обогнав Славку, хвостатой комомой проносился косак хамсы. При ярком солнечном освещении казался будто рыбешка, излучающая рваный фосфоресцирующий свет. С другой стороны маринера на плывах стояли черные монахи — небольшие рыбешки с раздвоенным, как у ласточек, хвостом. Где-то впереди оба косака сталкивались, но не нарушая строя, пересекали друг друга, точно два сходящихся луча: серебристый и чернильно-красный. Было похоже, что вынырнули не живые существа, а бесплотные тени, рожденные подводной галактизацией.

Тенение образовало на песке волнистые складки, и от этого дно казалось гофрированным. На осмысленных валунах часто попадались разнотипные — самые крупные раковины черного моря. Некоторые «любоители» из местных вынашивали их продавая заезженным муромитам на гривеннику за штуку. Славка раздвигая ластами, он сбивал ракушки пригоршнями из воды в шпатулу, в зависимости от того, что гурда или стопа. Раковины он и брал потому, что они нравились людям. Да и вред балласта приносился немалый. Этот хищный моллюск, завезенный на днах судов из далеких южных морей, зачастую паразит устриц и съедобных моллюсков.

Мыкнув несколько раз и снова в мешок с подвешенной некрупной рапан. Славка направился к берегу, где как вставное дно пересекали наклонные пласти мергеля, порце поросшие водорослями. Там, в нишах и трещинах обычно пряталась большая краба.

Взросли цистероны казались издали сплетением порывавшей молочью пророслим.

Славка плыл, внимательно глядясь в гущину подводного леса. Наконец между двумя корягами на небольшой пещинке заметил первого краба. Он втянул черную трубку носом, переломился в поясе и, вскинув вверх лапы, устремился вниз.

Краб провонял боком по песчаному дну, стараясь укрыться в водорослях. Настороженно он вынырнул носом, сообразив, что уйти не удастся, приподнял хитиновый щит и угрожающе выставил перед собой могучие клешни. Славка превосходно знал силу этих клешней. Они способны перемешать карнавы, как сухую манарку. На Славинском плавании еще сошли следы от первого знакомства с десятиногими обитателями морского дна. На голове краба он шелестел

ушиной, которые биологи называют антеннами. Так и казалось, будто краб пытается сориентировать его по принятой установке, посылать в эфир сигнал бедствия. Он злился, и ведренные жалды тонули в друг друга на длинные мерновы.

Славка протянул руку и в тот момент, когда неприятель готовился соскочить с него, ловко нащупал его за щипки. Теперь можно было всплыть на поверхность и отдышаться.

За один выдох Славка выдохнул семь великолениных крабов. Это была удача.

Когда он вышел на берег, Болман отрял песком большую металлическую банку. В створочном отверстии горел ностер, сложенный из сухого плавника. Мальчишка замерцала в мутности морской воды и поставил на огонь. В миске, пущая плавник, шелестели крабы. А может быть, они просто шептались на своем непонятном языке, стовариваясь о любви.

Крабов ели тут же, не давая им остынуть. Местный панцирь разбивали камнями. Белое волонистое мясо было сладковатым на вкус. Болман высасывал мякоть, как восточные ностичи, аппетитно прищипывая губами и не обращая внимания на осколки, которые с угрожающим звоном кружились над его головой.

МОРСКАЯ ЭНЦИКЛОПДИЯ

Где-то ядали затарактел мотор. Потому из-за мыса, со стороны пляжа, показалась моторная лодка с высоким задранном носом. Окномый мядо штевень раздвинул пенные сузы. На борту черной краской было старательно выведено название — «Трестер» — славянский эпитетный прилагательный. Славка навалился на штурвал, стараясь повстануть — солидно заметил Болман и стал размятывать длинную носку, наружу выходящую кучу коряж. — Попробуем для начала на краба.

Глаза у Болмана были прозрачно-зелеными, как две стегальные пугицы среднего размера.

Моторная лодка нуно повернула на левый борт, выходя на открытое море.

Славка в шутку велел себя начальником порта. Он был обременен человеком и резко выделялся среди остальных пассажиров. Это был в буквальном смысле ходячая морская энциклопедия. Лодочники, рыбаки и спортсмены-парусники шли к нему за справками по любым вопросам. Чем отличался бермудское парусное вооружение от габельного, в чем преимущество яхты типа «Драконе» перед остальными типами того же класса — подобные сведения можно было поперчить у него в любое время дня и ночи.

— Все это интересно, — говорил кто-нибудь из любителей, — почему бермудское так же коварно, как и Славка.

Семен в таких случаях снисходительно улыбался.

— Удивительного ничего нет. Спруты живут в морях, где солоность превышает процент в Европе.

— Почему же тогда крабы не роются?

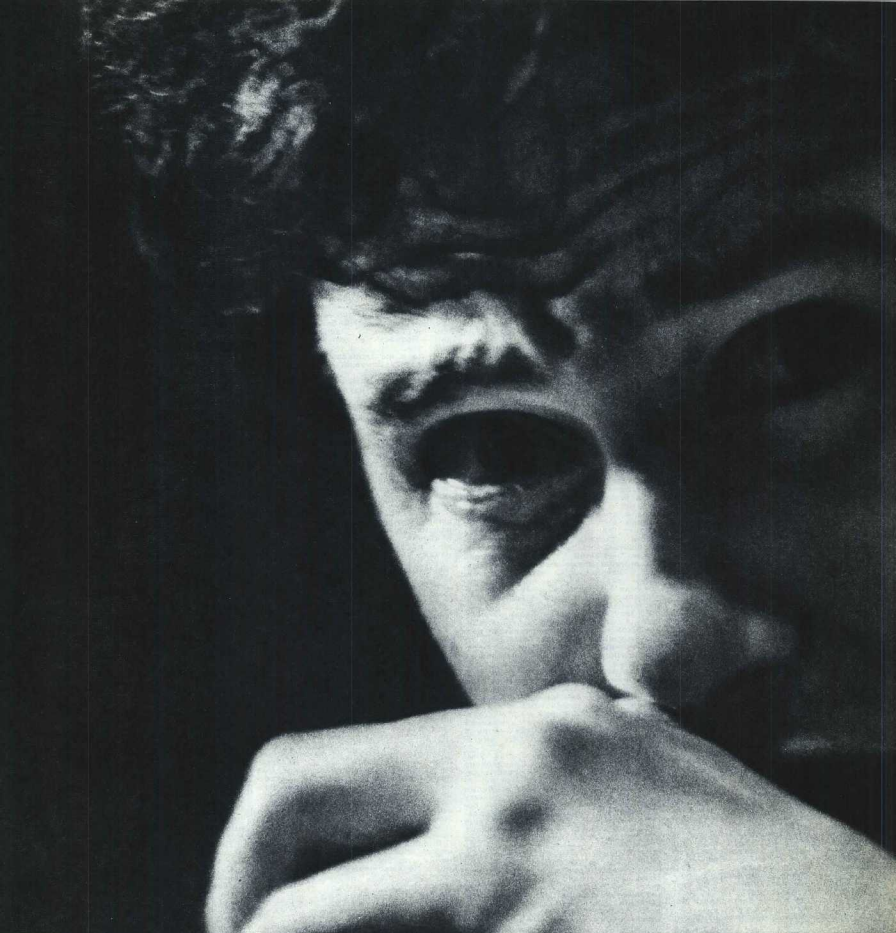
— Чего было постинге феноменальной мамты!

Когда-то на экспедиционном судне Семен ходил за гробом, когда побывал в иностранных портах, потом работал в разуху, а потом уехал где-то у берегов Ньюфаундленда и там основательно бермудился. Здесь, в родных местах, он поселился у замужней сестры — шуминой и эдакой разухи, но в бермудском гоппосом.

Семену эдак превралово за тридцать, но он уже приобрел чисто старинную потребность предаваться воспоминаниям. Можно было поуметь, что вся его жизнь уже в прошлом. При этом он не переставал переплетаться у него с событиями, которые происходили в Бермуде.

Семен не мог толком разобраться, что и ним случилось в действительности и чего не случилось.

Когда он приобрел свои обширные познания в географии, Семен Славка не знал. Более близко он сошелся с Семеном только в прошлом году, а до того он был объектом его внимания, поглощенный раками-бабушками, которые он вылавливал и и прочей живностью, обитающей в прибрежной полосе воды. Семен взятго маринера отесал эмпаж изсудельствительного судна, а может быть, и эдакой разухи.

Ф. ШУШКОВСКАЯ.

Фото М. МУРАЗОВА

«Все мне ушкой служит, все торопит ускорить мечь».

ТЕАТР ПОЭТА

Владимир Рещетер — исполнитель-поэт вовсе не потому, что он автор книги стихов «Антарктик» цык. Скорее наоборот: книга стихов появилась как результат остро поэтического ощущения сцены, театральной жизни и зрительного зала. И как результат непрямого механизма разделить эти чувства с людьми. Небольшая книжка стихов В. Ре-

щетера была первой попыткой рассказать людям, что он знает и что может, чего хочет и о чем мечтает. Все это, вместе взятое, с большой полнотой и зрелостью выразилось в новой работе молодого ленинградского артиста — в спектакльском «Гамлете», — работе, завоевавшей признание зрителей. Это необычный способ

«Лазор, откуда эта неприязнь?»

представления Шенсирра современному зрителю. И способ — предельно лаконичный. Рецеттер играет все роли один. У него нет обаятельных дворцовых, настоящих, ренессансных партнеров. Эффективность восприятия и сила впечатлений у зрителя создаются выразительностью игры, звучанием голоса, пластичностью и динамикой движе-

ний, отчетливостью жестов. Рецеттер выходит на сцену шумно, близко и зрительно, маня, иногда выходя актер в «Глобус», и начинает: «Вот что имеем в поведать вам: «Гамлет» — ничуть не помышай голоса, равно, сонно, спойноно. Его слышно в самом дальнем уголке громадного концертного зала. И зрители смотрят, и слушают, и уходят потрясенными — заново потрясенные давно известными монологами заново рожденного принца Датского.

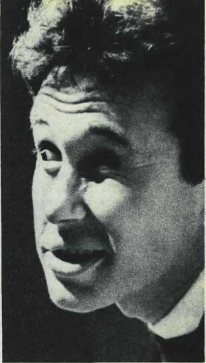
Рецеттер приводит на сцену своих героев, ловко открывая короткой фразой занавес своего поэтического театра, и герои начинают действовать — сами по себе, уже почти помимо его воли. Герои трагедии аступают меж собой в театральную игру. Здесь уместно именно слово и гр. а, потому что они играют, взаимодействуют, почти не помня о зреле, о зрителе. Они любят, мстят и ненавидят. Они борются. В этой борьбе место каждого определяется острым гражданским чувством Гамлета.

Не Гамлет-неврастеник, не гений со светящимся духом, а сильный, страстный, гордый, близкий, простой — такой Гамлет предстал зрителю в спектакле Рецеттера. Чтобы удержать и вернуть Гамлета к жизни, нужна была не только ум и сценическая культура. Не только интуиция и одаренность — нужен был труд. Труд долгий, вероятно, состоявшийся труд, который свершается на бесчисленных репетициях, когда актер нищет, проверяет и слушает свою интонацию, свой голос, самого себя. Чтобы так играть «Гамлета», нужна сила поэтического воображения. Именно властью воображения один человек может являть собой разных героев — Гамлета, короля, королеву, Офелию. В каждом спектакле они заново рождаются воображением поэта. До выхода спектакля в свет Рецеттер сделал основное: он определил общий рисунок работы и нашел в целом характеры действующих лиц. Теперь эти характеры проступают все более оправданно, потому что в ходе игры, в активном взаимодействии героев актер находит все новые звучания, черты и детали. В этом смысле каждый спектакль не похож на другой, и в этом смысле Рецеттер — импровизатор и поэт.

Каждый персонаж в работе Рецеттера характеризуется своей голосовой темой, для каждого она найдена такой сочной и выразительной, что нигде не слухалось, кому принадлежат реплики, даже там, где диалог состоит из реплик разных смеющихся лиц. Голосом передано отношение действующих лиц к Гамлету, степень их близости. Офелия, например, которая была Гамлету ближе других, в ходе спектакля как бы отделяется от него. Репликой произносится так, словно голос ее слышится издалека, все дальше и дальше, не так, как говорит она, а так, как слышит ее Гамлет. Гамлет уходит от любви ради дел государственных. В его отходе от любви, в его аскетизме, в его одержимости сила мужественного человека, и в мужестве — его современность.

От спектакля к спектаклю меняются частности. Просятся характеры и ситуации. Появляются новые оттенки слов, убираются лишние жесты.

В течение трех часов перед зрителем расширяется внутренняя жизнь больших и ничтожных людей, воссоздается драма их отношений, и одному актеру, моллоду актеру, надо прожить жизнь их всех, прожить ее не часами, а минутами, секундами. Это трудная работа. Трудная, сложная, умная. И поэтическая.

«Если это и безумие, то в своем роде последователен».

«Король»

«Слова, слова...»

«Разбилось сердце редкостное...»

GLUCK-SCHZESICE-SHESTI
शुभा - FELICIA-BOE-HEUR

В сентябре этого года в Москве состоится Всемирный форум солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение за мир. На этот форум соберутся представители многочисленных молодежных и студенческих организаций с разными взглядами и политическими убеждениями. Но всех их объединяет одно — стремление жить в мире, стремление быть счастливыми.

О самом главном в жизни — о счастье — и говоримся в этом письме.

Дравствуйте, мадамзель Полина. Это письмо явится для Вас, видимо, полной неожиданностью. Вот так, встретившись с незнакомым человеком, несколько дней покатавшись с ним на лыжах, и вдруг письмо.

Не удивляйтесь. Вспомните наш разговор, который так или иначе, прерываемый многими событиями, продолжался несколько дней, и Вы все поймете.

Это было у вас, во Франции, в Куршевеле, куда собрался со всех концов мира лыжники-журналисты, чтобы поговорить и поспорить по самым актуальным проблемам, имен то немалым волеводом международные лыжные соревнования.

Мы, советские, прибыли на такие неожиданные соревнования впервые. Я не перестаю и сегодня вспоминать заснеженные склоны Французских Альп, разномыслию речу участников соревнований, головокружительные лыжные спуски и механизированные подъемы под облака в прозрачных кабинках фуникулеров.

Ничего не скажете — проблема горнолыжного спорта в Куршевеле рожена.

— Полина, не порази французскую аристократию — добавив в микродон развязный экстраготи ступай, объявивший о Вашей overseas спуска.

Мы стремительно сорвались вниз по склону и, делая главные шаги между флажками, почти помыски проходили дистанцию.

«Тот бегте и принцесса, — думалось мне. — Нелюбо даже для мужчин!»

Скороговорчиво выскочив на открытой вершине, окруженной пушистыми отвалими снега. Скинула лыжи, мы или горячий кофе, яркое альпийское солнце обожгло лица. Горячим оказался и наш спор.

«Беза бы не лыжи, мне было бы нечем жить, — бойко ответили Вы на мои комплименты. — Жизнь пуста. А счастье — его нет...»

— Где же Вы ищете главное в жизни! — перебрала я.

«А для Вас главное — жить, существовать. А для нас, советских, этого недостаточно — вам весь мир подавай.»

И Вы распевавши своей шутке.

— Зачем же весь мир! — отпарировала я.

И здесь-то завязался между нами разговор, затянувшийся на несколько дней.

О чем мы спорили? О цели жизни, о стремлениях. О богатстве кармана и богатстве души. Но в конечном итоге это был спор о самом главном — о понимании счастья. Не так ли?

— Дайте богатство в руки любого высшего советского человека — он станет таким же, как мы, — бойко говорили Вы.

Нет, — возражала я, — чем же признала ее глупость. С деньгами он поступит иначе.

Чепуха, — возражала Вы. — Деньги делают свое дело...

«Вы не дослушали. Этот спор и в мою промолвку следовало, отвлеченно поинтересоваться о счастье с разных позиций.»

Только что я держала в руках свежую газету. Одна заметка привлекла мое внимание и застаивалась застыла. В ней рассказывалось о том, как молодая женщина, дочь крупного фабриканта из Западного Берлина, покинула с собой, приняв большую дозу спяточного. Девушке было немногим больше девятнадцати лет. Будущее сулило ей обесчеловеченную жизнь. И чем же признала ее глупость? — думалось мне. — Ведь у нее, по нормам жизни, принятым на Западе, было все, что дает представление о счастье. Но чего-то, видимо, не хватало...»

...Это было погоду тому назад. В роскошной вилле, некогда принадлежавшей известному германскому авиаинженеру Юнкеру, заседала комиссия экспертов — представителей многих стран мира. Шел разговор о проблемах молодежного движения середины двадцатого века, о том, как развитие науки, техники, новые социальные условия влияют на формирование мировоззрения молодежи, на ее стремления, на ее будущее.

Французские профессора, американские специалисты по молодежным вопросам, директор колледжей, редакторы молодежных журналов и газет в продолжение десяти дней высказывали свои соображения о путях, по которым идет молодежь, о ее перспективах и стремлениях...

В эти дни я держала на коленях яркой журнал с большим портретом гласзотой девушки на первой полосе. Журнал издавался в Западной Германии, но название его было почему-то начальными буквами английского слова «твентити» — двадцать. Журнал двадцатилетний — «Твентити». Я рассматривала его с интересом. Дело в том, что на страницах этого богато иллюстрированного издания была напечатана анкета, на которую только что отвечала западногерманская молодежь.

«Что вы думаете о будущем? Каковы идеалы нашей жизни? К чему вы стремитесь?» — вот вопросы, которые были поставлены перед молодежью — студентами, студентками, деловыми — секретарями и продавщицами магазинов, перед солдатами и молодыми художниками Западной Германии.

Тогда знакомства с ответами, шипет в замоченные журналы, нам показалось, что мы и среди молодежи людей, а на бирже, где в первую очередь звучит слово «деньги», а во вторую очередь широко декларируются купля и продажа всего, что только можно купить или продать в нашем «свободном мире».

«Моям идеалом являются деньги, обеспеченная жизнь», — сообщает юная секретарша. — Я ничего не читаю и редко хожу в кино, потому что мне не нравится, студенты, деловыми — секретарями и продавщицами магазинов, перед солдатами и молодыми художниками Западной Германии.

«Наша мечта — автомобиль, лучше марки «Мерседес-Бенц». Мы хотим иметь много денег», — пишут два солдата, недавно мобилизованные в западногерманскую армию.

«Деньги — это основа всего. Без них нет и не может быть счастья. А за мечтой о подлинном счастье — закончивши, сообщает студент философского факультета западногерманского университета. — Да здравствует деньги!»

Я листала тяжелые листы меловой бумаги. У меня перед глазами мелькали вопросы и ответы, пропитанные и вопросами. Вот — фотографичка парня, стоящего на распутье дорог. Аипо его выражает полное безразличие — никакие эмоции не отражаются на нем.

Кто эти двое? Парней, сидящие на высоких крутых стульях, востое стоеккой бар! Улыбаю потягивают они какой-то напиток через соломинку. Они ни о чем не думают, ни ничего не хотятся.

Девушка босиком, в брезентовых голубых штанах, пропитанных ильгитом, растопавшая, с пустыми глазами, устремленными в фотообъектив. Это тоже искажающая своего счастья. У нее тоже нет перспектив, но ей тоже нужны деньги, холодный, суррогаты любви — замена подлинных чувств. Инфантильный, позамысловатый с экрану кино или телевизора.

Вы знаете эту публику, Полина. Это модная молодежь Запады. В ФГ их называют «халльштартеры», что в переводе значит «популярные».

Я не знаю, кто признавал это слово. Парни, не дописав до сильных девушек, не вырвавшиеся из слабости... Феноменальная, воинствующая пустота мечтаний. Утилитарное представление об идеалах и счастье, о том самом счастье, которое пылит душу, кружит голову и дает двадцатилетнему человеку серебряные крылья для полета к солнцу.

Господин Мюллер, умный, самовнуверный немец из Западного Берлина, директор Института молодежных группировок, поучающий докторское звание за свою работу в политическом кабааре «Фронтного города», на мой вопрос, зачем издается журнал «Твентити», пропагандирующий популяризм молодых людей, ответил:

— Неужели вы не понимаете, что в наш век, чреватый политическими событиями, имени такляе молодежи наиболее удобны, чтобы направить ее по желаемому курсу! Кстати, — продолжал профессорский доктор, — это выгодно и для нас, советских, равно как и для нас, людей Запада. Что вы хотите? В наше время достаточно десяти процентов так называемой революционной молодежи, чтобы пустить всею эту богатую воду по любому руссу. Идеи можно выложить в сердцах в зависимости от необходимости, благо сердца не очень-то загружены большими идеями.

Каков же моральный уровень людей, которым заинтересованные профессора отписывают девятю процентов аполитичного существования, украшенного самыми элементарными, почти растительными стремлениями!

Перед моими глазами встало одно из самых странных чудес. Каким чудом, словно реликт моего прошлого, сохранилось оно до наших дней.

В прошлом году во время автомобильного пробега группы советских зрителей мира по Европе мы были занесены асфальтовым течением дороги в крохотное государство, расположенное на берегу Средиземного моря, — Монако. Со всех концов страны съезжались сюда богатые бездельники ради шумовного на весь мир игорного дома Монте-Карло. Вы, Полина, конечно, тоже бывали в этих краях, на Лазурном берегу Средиземноморья.

Прозвонившем сестром поустелкавшими завывающими автоматами поднимается по склонам гор. На высоком плато размещен дворец принца монашеского. Он выглядит совсем как о перерте. Оловянные солдатчики стоят перед воротами замка около изуродованных тушек, кожные которых выделаны выложены круглые дая. Каждый час происходит вымена караула под отвращающие звуки тоже опереточного оркестра. Опереточные солдатчики, вытнувш носы изуродованных сапог, густым шаром выхлещут из ворот замка и выстраиваются перед стеною цитадели. Говорят, это половина всей армии государства.

В эти моменты площадь забита туристами: они с интересом смотрят военизированной комедии.

Кого здесь только нет! Выцветшие аристократы и наглые ивуришши, международные авантюристы и закоренные разведчики, наивные отпрыски богатых фамилий и продвигавшиеся вперед в большом, выстроенном в старинном стиле здании игорного дома Монте-Карло я услышала заветное слово «счастье». Нас заставила оставить в гардеробе фотоаппараты и кинокамеры: посетителям не разрешено фотографировать людей, находящихся в фотоса. В огромном зале за зелеными столами стояли склонившись, сидели десятки людей, словно отрезанных от жизни.

Раскормленный, лощеный крупье с нафранным

• HAPPINESS-LYKKE-GELUK-幸福-FELICITÄT KEBAHAGIAAN-JARPA-BOLDOSAG-ЩАСТЬЕ

ми волосами изредка металлическим голосом провозглашал:

— Дамы и господа, давайте вашу игулу! А потом маленькой лопаточкой на длинной ручке перекаладывала фишку с клавиатуры на клавиатуру в руки тех счастливых, кто только что выиграл.

За соседним столом бросали кости. Здесь тоже пытались отыскать игулу и счастье выигрывать. Где-то давали тасовать карты. Все было подвешено к какой-то зыблоте, плавному, атмосферной полноте отрешенности от реальной жизни нашей большой и беспокойной землей. Люди, словно рыбы в аквариуме, существовали в искусственной среде в поисках забавы и идеалов, знаменавших так много места на страницах журнала «Тiene».

— Какая странная жизнь! — тихо сказала я моему собеседнику. — Как удивительно видеть все это впервые!

— Вы здесь впервые! — верно, театральным шепотом прошептала пожилая женщина, склонившаяся рядом над столом. — Простите, я возмущу вас за руку. Человек, который впервые приходит в казино, приносит счастье. Я это знаю...

И она стиснула мои пальцы своей костлявой рукой. Увы, я не принес счастья женщине, еще раз проигравшей.

Я еще я еще раз думаю о том, где же принцип построения самого большого, что ведет человека и руководит его поисками и поступками... — принцип поиска счастья?

И я вновь вспоминаю наш разговор с Вами: дайте деньги в руки человека...

И тогда другая история возникла у меня перед глазами.

...В одном из московских вузов учился молодой парень по имени Рафик, испанец. Его привезли в нашу страну в те полевые армейские дни, когда фашисты обрушились на республиканцев. Многие дети Испании повзросли тогда в нашу страну, остались в ней, получили образование, специальность, работу.

Несколько лет тому назад испанским эмигрантам, проживающим за рубежом, была предоставлена возможность вернуться в Испанию. Я не знаю, кто руководило помыслами Рафика — то ли законное любопытство юности, то ли дамский голос крови, прельщавший его на земную прекаю, — но в один прекрасный день он решил вернуться в далекую страну, которую он даже и не помнил...

Студент четвертого курса сел на самолет, державший путь на запад.

На аэродроме Мадрида его встретил пожилой, тронутый содейной тоской, это был отец Рафика, человек богатый и respetable. Когда юнца сюда вместе с остальным классом в роскошной автомашине и поехал на собственную виллу, отец спросил его:

— Чем ты хочешь заняться, сын мой? Хочешь путешествовать?

— Конечно, — ответил Рафик. — В моем возрасте путешествовать — это может быть, самое интересное.

И вот потоки дилл незабываемой смелости впечатлений. Рафик облетел с отцом Испанию и Францию, Италию и Грецию. Перед его глазами мелькали страны, гостиницы, дороги, моря и горы. Окончательно одурев от этой непривычной смелости впечатлений, Рафик взмолился:

— Вернемся назад! Я уже не могу больше. Хватит...

— Ты вернулся в Мадрид.

— Так чем же ты занимаешься сейчас? — спросил отец. — У меня собственная конюшня. Можешь занять верхнюю езду. На вилле, что на берегу моря, у меня есть старинные рукописи — можешь

заниматься их разборкой. Для студента это — самое лучшее занятие.

— Нет, я хочу работать, — ответил Рафик. — Я не привык ничего не делать. Я хочу работать по специальности.

Бывшего студента устроили на работу после того, как он дал подписку не проводить никакой «красной агитации» среди рабочих и инженеров. Но прошло два года, и Рафика со складом на улице...

— Что ты видел, сын мой! — спросил разгневанный отец.

— Ничего, папа, — ответил Рафик. — Я просто рассуждал о жизни в Советском Союзе, да и то, когда мне спрашивали.

— Безумие, разве ты не считаешь? Зачем тебе работать? Я же тебя на девушке нашего круга, у тебя будет веселая компания. Что тебе еще надо?

— Я не могу так, отец, — возразил Рафик. — Я должен заниматься чем-то серьезным, большим. Помогите мне устроиться в какое-нибудь конструкторское бюро. Разве я напрасно учился четыре года!

Хорошо, — согласился отец.

Отослав Рафика. И вот юноша работает конструктором. Научный оптимизм, он держит язык за зубами. Но жизнь есть жизнь. И через пару месяцев Рафика опять выгонили из учреждения.

— Теперь уже без права проживания в стране... — что ты надумал! — обрушился на него отец. — Ты же дал слово не вести никакой пропаганды.

— Да я и не вел, — ответил Рафик. — Наш шеф — неординарный человек. Мало того, что он вернул конструкторов, он еще и не платит им за эти дни. Я пришел к нему и сказал откровенно все, что думаю о нем. Разве это агитация!

— Ты совел с умом! Да ведь он же твой хозяин! — взволнованно воскликнул отец. — Я купую тебе право жить на родине. Но я заканчиваю тебе: пользуйся счастьем богатого человека, которое выпало тебе, живи в свое удовольствие, не лезь в политику.

— Нет, я хочу уехать обратно, — настаивал Рафик. Неужели ты ничего не видишь! Дворянские ценности и братья косяк смотрят на меня с того самого дня, как я появился на родине. Мой приезд отнял у них уверенность в том, что им что-то достается в наследство после твоей смерти. И не хочу я делить их наприжанные гал. А богатство, не созданное мною, мне не нужно.

Ничто не могло сломать упрямство Рафика. Он вновь вернулся на свою творческую родину — в Советский Союз. И вот законы здесь, институт и работа. И теперь себя морально признан человеком нового времени, он гордо отворачивается от старых идеалов, за которые слабейшими руками хватается старик. Ведь во имя того, что само имя Рафику, молодые люди с банковскими представлениями сейчас совершают преступления, идут на то угодно, лишь бы получить богатство, якобы способное дать человеку счастье.

Я не знаю, что думаете Вы, Полина, по поводу этого короткого рассказа. Но я уверен, что эти люди и так не понимают духовных принципов простого парня, воспитанного морально новым временем.

Вы знаете, Полина, недавно мне рассказали еще одну историю. Она разыгралась в Америке. Она позволяет много пожить в нашем споре.

...Случилось так, что группа полицейских решила отграбить собственную машину, которая перевозила деньги из одного банка в другой. Был кропотливо разработан двоярский план. Где-то на повороте из машины должны быть выброшены ящики с деньгами, после чего же полицейские намеревались имитировать ограбление автомобиля. Все шло как по нотам. Но люди, которые должны были подобрать ящики, не успели ко времени. Полицейские выжидая были собраны десять, расположенные по мостовой, и вновь погрузили их в автомобиль. «Ограбление» не удалось. Лишь одну большую пачку в 100 тысяч долларов кто-то из благодетелей порядка и законности заступил урну, стоявшую на перекрестке, с тем, чтобы забрать деньги позже.

Случилось так, что безработный, равнявшийся в урне в поисках окурка, выгнал из нее банкословную пачку денег. Он был честным человеком: пошел в полицейский участок и отдал деньги, которые могли бы сделать его богатым.

Банк решил отблагодарить своего благодетеля. Безработный ответил: «Мне ничего не надо. У меня талантливый сын, устройте его на учебу и обеспечьте ему возможность приобрести профессию».

Мальчик стал ходить в школу. Он действительно был талантливым и прекрасно учился, но с каждым днем стал он становиться мрачнее и мрачнее. И однажды пропал. Его тело было найдено в яруду. Посмертная экспертиза объяснила происшествие: «Мне не дают жить в школе за то, что мотаете, бунтуете, дергаете». Вот эти проклятые деньги. Его называют сумасшедшим или круглым дураком. Продайте и простите меня.

Чуводливый предвещает эта история. Она порождает морально тог мира, где счастье представляется лишь пачкой денег.

Но вот Вам еще случай. И тоже типичный...

Вновь у меня в руках газета. Я с волнением читаю письма. Их писала девушка, которая только что исполнилась девятнадцать лет. Она живет в нашей стране. Ее зовут Валей, фамилия ее — Чувинская. Письма адресованы старому учителю-девушки. Они полны откровенной человеческой простоты и той невинательной, потрясающей чистоты, которые обязательны сердцу любого человека, присокнувшегося к этим письмам.

Нелегкая, полная тревог и беспокойства, встает у меня перед глазами жизнь этой девушки. Она окончала техникум и собралась строить свою жизнь. Высокие идеалы ведут ее, освещая дорогу.

Никто не заставляет Валю принимать то или иное решение в жизни. Когда партия обратилась к молодежи с призывом ехать поднимать отстающее хозяйство, Валю оставал всего лишь пять дней назад полученную квартиру, интересную работу в городе и уехала в далекую сибирскую деревню, в небольшое село Кага. Здесь она поступила работать в отставший колхоз. Она честна и явную стеснялась со всей неприкрытой сложностью жизни. Отсутствия! Уйти в кусты! Нет! Да не началась новая жизнь, полная беспокойства, неустойчивости, волнения. Теперь Валю учатся на курсах переподготовки. Валю трудно найти готова пожертвовать всем ради счастья и радости коллектива, в который попала.

Обгорел на работе тракторист — Валю, не задумываясь, предложила в госпиталь — свое колесо, этой несчастной жизни, даже незнакомому человеку. Думая о себе, о своей судьбе, девушка никогда не забывает и о большой, полной гордости судьбе народа. Она смотрит смело и гордо в глаза жизни. И как бы ни было ей трудно, она всегда видит счастье в служении высоким идеалам человека.

Вы понимаете, Полина, жизнь ее, конечно, не легка. Она сталкивается с ней впервые, еще непонятно, еще робко, но, может, может, может, как с тех высоких позиций, на которых стоит это молодой, полнокровной красоты человек. Выхай пинет!

— Творит, но рано как поздал человек сталкивается с беспощадной действительностью и получает урок на всю жизнь. Он тогда видит ее уже не в розовом свете, а такой, какая она есть на самом деле. И тогда его либо сломит это открытие, и он примерится ко всемоу, либо, может, может, может, на пути борьбы со злом. Тогда верю в себя. Я теперь твердо знаю, что никогда не смирюсь с плохим. Сколько хават сил, буду бороться за лучшее жизнь, за настоящее!

И она добавила своего девушка... Она счастлива в труде, ее пример стал примером для многих тысяч юношей и девушек нашей страны. Уюта от спокойной жизни, она нашла свое счастье в борьбе за лучшее жизнь.

И не знаю, кто сколько жизнь девятнадцатилетней немецкой девушки, принявшей смертельную дозу отравленного общества, предств перед глазами молодого человека, вставшего на пути, и закричал: «Сей! Странно... Холодно... Ничего вперед... А ведь это я и счастье, Полина...»

Недавно я был в Америке. Мы мчались на поезде через границу, богиату страну с арками, кричавшим, и впереди нас шли разношерстные клоуны, с рекламой на маленьких домках, с водометом электрического света на небоскребах.

— В последнее время я много слышала о вас, о некоторых людях, в вагоне слышала из тех небольших домиков людей, у кого не так уж много денег в банке, а судьба зависит от более могущественных финансовых хозяев.

Он впервые сталкивается с советским, это худшая человек с примером, словно по линейке проведенным пробром на поседение гоале.

— Да и нельзя молчать о тех, кто заступит в него черт людей... торговлю продолжала он, но перт возмил, я никогда не думал, что бы так! Если бы наши американские женщины старался больше походить на вас, право, это было бы лучше. Вы шире думаете, вы больше знаете, и у вас есть какая-то удивительная уверенность. Может быть, это и есть основа счастья...

— А разве у вас, у американцев, нет веры в будущее?

— В том-то и дело... знаю подвизывает коммерсант — мы знаем, что будет завтра. А что завтра? Мы не знаем, что будет завтра. «Мы» — это не только коммерсанты, это средние американцы, так же, как я... А затем, резко поворачиваясь ко мне, он спрашивает: — Так в чем же так секрет вашего оптимизма?

В качестве ответа мне приходит на память слово из воспоминаний моего космопота Юрия Гагарина.

«...Счастливы ли я, отправляясь в космос? — спрашивает себя Юрий Гагарин. — Конечно, счастливы! Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем чувство новых открытий...»

Не могу ли оптимизму открытия нового завидуют сегодня люди? Вы не уверены, что открытие самого прекрасного и удивительного — открытие нового мира, о котором веками мечтало человечество. И этот новый мир творится сегодня на всей нашей планете, ставшей несомненно такой молодой после первых космических полетов. Именно открытие нового, а не желание любым способом оправдать худшее...

Черты этого великого открытия я видала, Полина, и тогда, когда спорил Вася с его оптимизмом, и открытие и в бесконечных словах американца и, вслушавшись в сердечные слова Полинки, понимаю, что делает их счастливыми...

Простите меня за притвор, Полина. Но черты открытия нового мира и в том документе, которого Вы открывали бы: замечательной Программе нашей Коммунистической партии.

Где они, более высокие идеалы, чем те, что предлагают человечеству коммунисты?

Мир, Труда, Свобода, Равенство, Братство и Счастье — это самое счастье, о котором мы мечтаем и спорим, — вот эти идеалы. Их отстаивают советские люди. Вы и опираются на них, и тот, кто Вы завидуете. Что может противопоставить им старое, худшее капиталистическое общество? Завидуйте над этим, Полина. И если Вы понимаете меня, я буду считать, что спорная мы не зря. Ябу Бану спасибо урву.

С ГРАЖДАНСКИМИ МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

ТАЙНА, КОТОРАЯ БЫЛА В НЕЙ ТАК...

И один скрипичный мастер не станет давать скрипку из дерева, если оно не выдержало хотя бы два двадцать пять. Не случайно в великих династиях скрипичных мастеров Амати и Страдивари от отца и сыну передавалось не только фирменное искусство, но и специальное верон дерево. Ведь только из старого дерева, со сложившимся напильником, без единого грамма алюминия, алюминия, или металла, можно сделать хорошую скрипку.

Советский мастер В. А. Яновский заботливо бегал несолько маленких цоценок, подеранных еще старым мастером его учителя. Впрочем, для Яновского и его коллег эти дощечки были еще полной заботой: никому из них не приходилось иметь дела с такой старой древесиной, только однажды исследовали древесину, которой было 170 лет. А этих кусках дерева были еще третья сотня лет. Но драгоценного этого дерева было так мало, что его не хватало бы на одну скрипку.

Сейчас что же, инструментам, сделанным кремонскими мастерами, так и оста-

нует недостижимыми шедеврами, которые невозможно воссоздать?

Яновский много лет искал разгадку этой тайны. Он пропал в библиотеках и архивах, отыскал забытые и безвестные работы музыкальных мастеров. Он изучил и систематизировал все наследие кремонцев и замечательного русского мастера Ивана Бозова, думал и экспериментировал.

Еще внимательно изучить Бозова (или поперечный разрез скрипки) можно заметить, что всеены две или два неравномерно по весу или Алим. Мастера, копирующие скрипки, знают, что эти утонченные и утонченные придают инструменту богатый звуками голос. И мастера слого подражали кремонцам, высоблаивая, так же, как деду и дню. Яновскому удалось обнаружить, что завушала скрипка угодобавится дощечка струм, и что у нее, как и у струны, есть области, которые, межкуча, и не гудят, и где они, наоборот, достигают максимум.

И один скрипичный мастер не станет давать скрипку из дерева, если оно не выдержало хотя бы два двадцать пять. Не случайно в великих династиях скрипичных мастеров Амати и Страдивари от отца и сыну передавалось не только фирменное искусство, но и специальное верон дерево. Ведь только из старого дерева, со сложившимся напильником, без единого грамма алюминия, алюминия, или металла, можно сделать хорошую скрипку.

Советский мастер В. А. Яновский заботливо бегал несолько маленких цоценок, подеранных еще старым мастером его учителя. Впрочем, для Яновского и его коллег эти дощечки были еще полной заботой: никому из них не приходилось иметь дела с такой старой древесиной, только однажды исследовали древесину, которой было 170 лет. А этих кусках дерева были еще третья сотня лет. Но драгоценного этого дерева было так мало, что его не хватало бы на одну скрипку.

Сейчас что же, инструментам, сделанным кремонскими мастерами, так и оста-

ПРОТОТИПЫ «ТУЛЬСКОГО КОСОГО ЛЕВША»

В первом издании «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» носил подзаголовок «Цеховая легенда». В предисловии автор сообщает, что записал эту легенду со слов старост оружейника в Стрельцере. Критика подвергла этой истории для Н. С. Лескова мистификацию и попытлась назвать легенду «общезнакомой», а роль автора ограничила простым стенографиром. Лескова это несколько забавило, и он выстпула в печати с письмом, где заявил: «Все, что есть часто народное в «Сказе о тульском Левше», заключается в следующей шутке или прибаутке: «Англичанин из стали блоху сделал, а наши туляки ее подкосили, да им назад отослали». Левша есть лицо мною выдуманное».

Но существовали ли ка-

кие-либо реальные прототипы у такого «баснословного» персонажа, как Левша? Оказывается, был.

В XVIII веке, в царствование Екатерины II, боевой туляков, Алексей Сурчин и Андрей Леонтьев, были отпавлены на учебу в Англию. Леонтьева считали пристрастие к «элементу змичко», а Сурчин благополучно вернулся, став известным оружейным мастером. Алексей высоко оценил его талант, преобладали остаться у них, жениться, то есть обзавестись, как и леонтьевское Левшу.

В начале XIX годов прошлого века (кстати, это время действия «Левши») «Увереня челома» рассказывает о замечательном умельце — оолодском мужике Иале Юнкуне. Этот Юнкун был взят в полицейскую часть за то, что по-

завался, будто умеет делать крохотные замочки, не больше блохи, — 140 штук с клочками на золотых весу (золотых равен 4,266 грамма). При нем наших крохотные замочки, по моему отступили с миром. Автор заметки сообщает, что прежде подобны замочки бедали лишь 80 на золотник, а 140 не достигла еще никто.

Автором заметки был В. Бурнаков, который между прочим, Лескова знал и писатель про умельца Юнкуну чело по поводу двух тульских мастеров — Левши и Сурчина. В этом мы, конечно, можем лишь догадываться. Безусловно лишь то, что подобный «сказ о юмко талантливости и патристиче русского человека» обязательно найдет свое место в диалог в жизни.

Я ЗВЕЗДЫ ЧИ НЮ

Николай АНЦИФЕРОВ

Из новой книги стихов

★ Я СОЛНЦУ РАД

Когда я выхожу из-под земли,
Там улыбаюсь солнцу, будто с ним
Не выдвело сто тысяч лет и зим
И вдруг увидел, выйдя из земли.
До мной я мимо кладбища иду.
Я воздух пью — и не могу надыться.
На нашем кладбище, как в городском саду,
Цветет акация, насвистывают птицы...
«Привет, ребята. Я опять в гостях»...
Сиджу, сивя кепку, толкаям котлымином.
Я под акацией с трамплином в зубах
Усну беспробудно, молодым и сильным.
Я час проспую. А может быть, все пять.
Меня разбудит родственница чья-то
И скажет, что нахлобачилась опять.

Что ничего не дорого, не свето...
Мы, люд-судья, не всегда правы:
Я пью не от бутылочного зелья —
Я опьянел, покинув подземелье.
От свиста птиц, от зелени трав...
Но я поречит женщине не стану.
Я виноват.
Я извинюсь.
Я встану.
Уйду, не поднимая головы.
А завтра выйду снова из земли,
Так улыбаюсь солнцу, будто с ним
Не выдвело сто тысяч лет и зим
И вдруг увидел, выйдя из земли.

ПЕСЕННИКИ

Существует такой закон:
Песни петь запрещает он.
Все — и те, что набор словес,
Непечатаемых отбросов;
Все — и те, что поет Бернес,
Мим Трошин, или Утесов.
Без разбора на то и на это,
Я не знаю, с каких времен,
Кем, не знаю, наложено вето.
Только знаю, что есть закон.
Запрещающий в шахте петь
С той минуты, как взлезошь
в клеть.
Может быть, при царе-горохе,
Олекая царев понохи,
Царедворцы презренной эпохи
Сочинили закон такой.
«Волю дай,— рассуждали,—
шахтерам —
Громогласный оми народ! —
Запоет, говоривший хором,
И Земля с орбиты сойдет.
Может быть, рассуждал иначе
С приближенными царь-палач...
...Петь нельзя. И ни слова —
о плаче.
Сколько хочешь, выходи, плачь.
Мы не тычьемся в стену лбом
И в часы, когда нет работы,
Мы, сознательные, не поем.
Мы рассказываем анекдоты.
Но как выйдем на белый свет,
Как надышимся им озонот,
Сразу побочку всякий заперет.
[Не нарушим святой завет —
Мы не будем ходить
по газонам.]
Наверстаем свое старчество:
Запоет — и запылет луна,
И замрет на посту милиция,
Человечески чувств покая.

ЦЕЛОВАНИЕ

Точно дьяволы, мы фулазы.
Неуклюжи, как водолазы:
Мы в спецвозках из чертовой
шурпы
[Из брезента — сказать точнее],
Про любовь мы толкуем с ней.
И целуемся слякотно, зачмо
Возле самого сердца земли.
Бог не видит, колосорг
«на больничном»,
Темнота — хоть глаза колим,
Только белые-белые зубы.
Только влажные-влажные губы.
Мы, ей-богу, совсем не грубы,
Мы отчаянные жизнелюбы.
На именуемой койке, бывало,
[Говорил оневедце мне]
Целовались, где попало,
Целовались назло войне!
Не носите глаза по-бычьему,
Узнаваемый морщист.
Не срывая угледобычи,
Мы целуемся в рамках приличья,
Мы ж не плашем презренной
твист.
На поверхности времени мало,
На поверхности нет угла,
На поверхности папа, мама
И общественные дела.
Так не надо к нам придирается
И клеветит нас улыбочкой злой.
Если хочется целоваться,
То целуемся и под землей.

СМОТРИНЫ

— Вы слышали! Подумать только! —
Бабы хвзют.— Ну и ну!
Отубужил Анциферов Копля:
Из Моексы приселок женту...
Дай язык почешет балагурам,
Им без трепли и жизни не в жизни...
— С винниором!..
— Какимс, с винниором...
— И в аумических штанах!
— Нет, мамкись.
— А лицом!
— Так себе...
— Хорош!
— Ничего...
— Да больно тош-ша...
— В чем душа...
— А кому поидет впрок
Тамовшая пшца:
Утром — чай,
В обед — чаек,
Вечером — чайце.
Ах вы, бабонки! Ах вы, бабы!
До чего ж на язык остры.
До чего ж вы на сплетни слабы —
Вам не мзль и родной сестры.
Бабы толчутся.
Бабы ждуть.
Мы вылодим,
— Идут!
— Идут!
О женучий обчачи древини!
— Смотрины — против сквозь строй!
Не робей, Антонина Андревна,
Плюнь на вынешний демокстроит..
Мы идем не спеша,
— Не дашь...
— Так себе...
— Ничего...
— Хороша-а...
— Ах, тош-ш...
— В чем душа...
— Бабы, ш-ш!
Друг Володька [он горный мастер
И по женщинам признанный спец]
Подлетает с бутылкой...
— Здравствуй!
Ничего,— говорит,— бабеч,
Намекка на равноправие,
На троику разливает «юль-пять».
— Предлагало за ваше здравие
Сей бокал,— говорит,— принять.
И на гостью глядит не мигая,
Взглядом масленым говоря:
Мол, посмотрим сейчас, дорогая,
Зря ли приехали кль не зря.
А москвичка толкует о квасе
С красмываемой нотной молбью...
— Извините, мадам, в Донбассе
Пить не могут один столбы...
Как тут выбраться из кампаня,
Взять победу в нелегком бою!..
— Извините, не пью из стакана,
Только ведрами с детства пью...
Поразивший такой кощовской,
Горный мастер и признанный спец
С чувством, с толком и
с расстановкой
Провздыгал: —
— Ни-чего-го бабеч...
...«Все неделю по всякому поводу
Тараторит смотринный шаб:
— Молодая койда по-тону...
— Не носится на здешних баб...
В результате насчет москвички
Набольший вопрос решен:
«Есть москвички —отпелые» —
плтчек.
Есть — пригодные и для женн.
Так закончили наши смотрины,
Так познани мы демокстроит...
Ты оубошь иллюзий не строй,
Обоприкс на плечо, Антонина,
В ней немало дорог сквозь строй.

По горному склону одной из окрестностей Ама-Аты сбегает улица, застроенная добротными домами. Крытые шифером крыши тонут весной в бело-розовую ленту цветущих яблонь. Живут на этой улице рабочие с окрестных заводов, учителя, водители троллейбусов, пенсионеры.

С некоторых пор появились здесь высокий, пластичный мужчина с шевелеными усами. Новое приобретение по сходной цене один из домов по соседству со старым мастером, ветераном войны, вырадивающим в своем паяносаиднике дневной красоты гладышуски. Вскоре вся улица знала, что выдвигает шпиччатых усов — Карани Виктор Васильевич, электросварщик домостроительного комбината, одинокий, трезвый, некурящий.

И жители тихого ама-атинского предместья были немало удивлены, когда вскоре электричного тихого домика остановались крытая машина и вышедшему на стук зовишу бы предьявлен ордер на обыск. Соседи, приглашенные в повязке, были изумлены еще более, когда увидели, как из габубского тайника, шурша под ослепительным светом компьютера, показави взаимосмаченные, бороздчатые лозы.

Григорий
АКСЕЛЬРОД

ПОМОЩЬ

Согнутый старик с хищным взглядом, бородач в ермолке, и еще один, помоложе, с кудей, обдиравной бородой. Потом, пряча глаза, поднялись по ступенькам женщины, старые и молодые, в глухих монашеских одеждах, с бледными, изуродованными лицами.

Мешки с крутой и мукой, огромные связки вяленой рыбы — запасов, обнаруженных в замаскированном лабазе, хватало бы не на один год. Но горькая больнее заинтересовала чехикост труда пожелевших, кустарно переплетенных книг и рукописей, на каждой из которых стояли четыре буквы: «ИПХС».

Самодетель Николай Петрович Ловатин впервые столкнулся с этими четырьмя загадочными буквами четыре года назад.

В один из январских дней 1960 года у Геннадия Р. вышла любопытное письмо. Вот дословная выдержка из него: «В святом писании говорится, что раньше люди шли в армию, чтобы защищать благочестие. А сейчас армия защищает царство антихриста. Потому мой совет тебе: не служи антихристу, а лучше посвяти себя богу».

— Что это за письмо? — спросил у Геннадия Р. Парень долго молчал, мямля, но потом все же ответил:

— Это ИПХС.

Что же такое ИПХС?

ИПХС — тайники в тибетском домике.

ИПХС — промокшие норы в тавжикой гонимости.

ИПХС — мрачные, исподобья взгляды, гиснутые зубы, волчья ненависть в смиренно опущенных глазах.

ИПХС — это...

Маргарита ошарашена. Перед глазами дрожат тонкий лучик, пробившийся сквозь щель. Она с трудом подняла онемевшую руку, пытаясь поймать его. Медленно возвращалось сознание. Давно ли она лежит здесь, в сырном и душном подполье?

Доски над головой прогибались под тяжкими шагами. Потом все смолкло. Раздался скрипящий голос Ираиды:

— Выходи.

Ираида молча сунула ей в руки платенное лукошко. Маргарита поняла: надо идти за грибами.

Глухо шумела тайга, пробитая закатым солнцем. Едва приметная тропинка петляла по увалам, обтаяв непролазные буреломы, вела к одинокому зимовью, где уже шестой год жила Маргарита. Ей было всего пятнадцать лет, когда сейды, сгорбленный старик, иннок Варлаам, увел Маргариту из дому. Увлек не силой, а с позволения матери, которая тогда и сказала дочери на прощание:

— Спасай свою душу.

И потянулись нескончаемой чередой дни, заполненные постом и молитвами. Пытались грибами, капустой и картошкой, скупо полагаям подсолечным маслом. Еду приносили какие-то люди, которых Маргарита не видела в лицо. Когда заблизилась зима, повалился чужой человек, Варлаам пригласил Маргариту в тайгу, под пещерой.

Года через два в зимовье пришли пожилая женщина с небобрими, холодными глазами.

— Это твоя старшая сестра, — сказала Варлаам. — Почитай ее луте матери.

Несладкой была прежняя жизнь Маргарита, а теперь стала и того горше. Варлаам ушел в Абакан, а «сестра» Ираида, кельская, задалась единственной целью — поскорее отправить девушку в иной мир. Она запретила Маргарите выходить из дому при свете солнца, по нескольку часов заставляла лежать в ямке под пещерой и повторять молитвы. И если Маргарита медлила, не релася сразу спуститься в опостылевшее подполье, Ираида на целый день лишала ее пищи или накалывала еще более тяжкое наказание.

— Даво тебе пять аестовок, — говорила она.

Пять аестовок — это пятьсот поклонов, Маргарита должна была сделать пятьсот поклонов, касаясь desks руками, коленями и головой.

— Я из тебя вылабо гордыню! — обещала Ираида.

И снова усаживала за потрепанное, заляпанное вонским кинти, где чуть не с каждой страницей пера, восславленным зоргом Варлаам вставало слово «ИПХС».

Она теперь знала, какое это страшное слово. Вернувшись с наполовинен лукошком, Маргарита заметила, что Ираида чем-то встревожена. Видно, гонци, под ногами которого час назад скриптели desks над подпольем, передала ей какую-то вест.

Утром Ираида объявила:

— Собирайся. Иннок Варлаам велит отвести тебя в школу.

Маргарите показало, что она осамылаась. Ее в школу? Да может ли это быть?

Но попала она не в ту школу, о которой втайне мечтала.

Располагалась эта «школа» в тесном самомном доме с платно завешенными окнами. Стоял дом на одной из улиц поселка Толькубас. Все здесь напоминало алекское зимовье. Только подпольем

«Иннок Варлаам» — словарь секты ИПХС.

Слева направо: «блудитель» В. Карани, «иннок Мича» и «старший преподаватель» Васильев.

было просторнее, и прятался в нем от постороннего глаза, кроме Маргариты, еще четыре девушки и их духовная наставница инония Градислава. Забитые орешником от жизни люди.

ИПХС — это исковерканная жизнь Маргариты Творческой Зинаиды Дикеровой, Миря Струниковой.

ИПХС — это цепкие щупальца, нарматро скрывающиеся и медленно убивающие волю и душевные силы верующих.

Корни секты «Истинно православных христиан» структурами православных христиан «страстужков» уходят в XVII век, ко времени раскола русской православной церкви, и обрядам «бегунов» или «странников». В двадцатых годах нашего века в обочку исторического антрополизма было вкато новое содержание: секты использовались успешно в подполье недобитые белоэмигранты, офицеры Деникина и Колчака, а позднее и часть кулацких элементов. Так она превратилась в типично антисоветскую, строю централизованную организацию, которая под прикрытием религиозной деятельности занималась разгульной антисоветской пропагандой.

Неудача задача стояла перед Давыдовым и его товарищами по работе Юрием Сотниковым и Георгием Кислякиным. Им предстояло восстановить биографии людей, задержанных в доме Карла, выяснить, какую роль каждый из них играл в сектантском подполье.

Старей Вералом сначала отказывался отвечать на вопросы. И только после охоты ставки со своей братьей покойной Маргаритой вхождению заговорил. Выступивший в ИПХС еще до революции, Вералом, он же Перевышин Григорий (Василий) Николаевич, за свою долгую жизнь не знал, что такое труд. Достигнув высокого положения в секте, став старейшим проповедником, он, несмотря на преклонный возраст, сыскал по разным городам, сколачивая звенье ИПХС. По его инициативе в 1960 году в Новосибирске и в 1963 году в Алаш-Ате создавались негласные секторалы. Главней секты складывались на эти тайные собрания, соблюдавая все правила конспирации.

Ильян, который оказался Васильевым Александром Андреевичем — в прошлом студент инженерного техникума. После прочтения «Универса» в голову его заронился честолюбивый плапы. Решив, что четыре курса техникума — совсем не-

тут, и она, Мария Ивановна, давно уже стала бабушкой.

Следовател пригласила Богатыреву в соседнюю комнату.

— Скажите, пожалуйста, — сказала ей, — вы случайно не знакомы с этим человеком?

Навстречу Марии Ивановне подылся со стула бордовый мужичек. Она взглянула на него и ахнула.

— Алексей Тай!

Да, это был ее муж, Алексей Богатырев, учитель по образованию, лютый тушевед по правлению, трус по характеру.

Алексей Богатырев, распустил слухи о своей смерти, женился вторично. Но и вторую жену сбросил с ребенком.

В 1941 году его призывали в армию. В августе был Смоленском был легко ранен. Из госпиталя в свою часть не вернулся.

С тех пор — 22 года! — дезертир и двоеженец Богатырев Алексей Григорьевич, он же Серафим Митя Михайлович, он же Яковлев Алексей Григорьевич, он же «пикот Митя», ждал на нелегальном положении.

И все эти долгие годы Богатырева скрывала, кормила, обильно снабжала деньгами подполь-

Уклада ИПХС разительно напоминала взаимоотношения пчел и трутней. Только пчела безропотных, лишневых жала, а трутень — жадных, ненастыных, не ведающих, что такое стая и совесть. Члены секты делились на две части: «неведалы» и «благодетели». «Неведалы» — это те, кто бросил семью, сжег документы, менял имя и уходил в «странствие», ибо «истинно православные христиане» по законам секты «должны странствовать, подобно Христу, и нести в мир божье слово». В специально построенных тайниках — «кельях» — «неведалы» содержала другая часть секты — «благодетели». Это были, так сказать, люди «второго сорта». Им официально разрешалось иметь паспорта, жить вместе с семьей и, конечно, трудиться. Только заработок, весь, без остатка, они должны были отдавать своим духовным наставникам.

В 1925 году был создан рукописный сборник «Универс», ставший своеобразной библией сектантов. «Универс» учил своих приверженцев: во дни гвства антихриста истинно православные христиане ни о чем мирском не должны заботиться, смысла их жизни — сохранить свою веру неповрежденной. Печати в паспортах, разъясия «Универс», — это печати антихриста. Поэтому истинно православные христиане после святого крещения забывают старое имя и берут новое, они живут вне официального мира и подчиняются лишь требованиям своей религии.

А требование этой «религии» было совершенно определенным и недвусмысленным: словом, а если возможно, и делом вредить Советской власти. И потому чексты пошли по зловещим следам ИПХС. Десятки судеб, десятки жертв прорыва нереда, гаваны следовател. Кто они? Почему они решались привлекать к секте, заманиваясь в кузурское скоруле? Чаще всего это темные люди, вовлеченные в паутину ИПХС хитрыми проповедниками, в других случаях это люди, затевающие легкую лобну на завоевания социалистического строя.

малое образование и что с его помощью со временем можно захватить в секте один из руководящих постов, он пришлось изучать сектантскую литературу, одновременно составляя к ней собственные комментарии. Это его рукой была сделана такая весьма характерная запись: «Не инд Нерон и Диоклитанос, ронители христиан, могли выказаться прелателами, антихристами, а многие другие заслуживают это имя: революционеры всех красок, коммунисты».

Разговаривая с Маргаритой Творческой, Зинаидой Дикеровой, Мирой Струниковой, следовател ли слышала имя «Митя». И судьба людей словно бы размышлялась на две части: до встречи с этим человеком и после.

Жительница города Джамбула Мария Ивановна Богатырева была очень умваена, когда ее зывали к следователю. Но еще больше поразилась она, узнав, что следовател интересуются история ее замужества.

— Да что вы в самом деле! — в сердцах сказала она, поправляя под платком седые пряди. — Мне ил, старухе, вспоминать об этом! Когда это было? Лет тридцать пять тому назад... Да и жили мы всего год четыре. Ушла я от Богатырева. Хоть и не принято о цеховниках худое говорить, инкульдуши он был человек.

— А разве Богатырев умер? — спросил следовател.

— Умер, батюшка, умер... Мне об этом его родной отец говорил.

И Мария Ивановна рассказала, что, выйдя замуж за Богатырева, она полной мерой хлабуху горя: был он по профессии учитель, но работать делвился в одной ей трудно было, конечно, проморгать семью. Потому и ушла от мужа с двумя дочками. Потом пыталась найти Богатырева, чтобы вызискать с него алименты. Вот тогда-то отец Богатырева и сказал ей, что сын умер. Ому дочка она скропана в раннем возрасте, а супругу, Татыну, зывала в люди. Дочка окончила инсти-

пная сеть ИПХС. Все эти долгие годы рыскал заправленным воком по нашей земле злобный трус, давно ставший изменником, и плава лущая сеть для того, чтобы заветь в них тех, у кого ослабла воля, кто потерял веру в свои силы.

Разоблачая матерых мракобесов, следовател ни на минуту не забывал, что где-то в тьме тьм незарпанных тайниках страдают рядовые члены секты. Важнейшая каждая факт, сопоставляя самые незначительные детали, они уворно искали тропы к этим тайникам. И в Челябинске, и в Виске, и в Джамбуле, и во Фрунзе одно за другим раскрывались подпольные убежища «неведалов». Землястые лица, угасшие глаза, робкие, неуверенные движения — люди будто разучились ходить по земле... После бесед с ними вставала потрясающая картина нумерского наслая, царившая в смрадных бунках.

— Суа мает!

Движение в зале, старостожненное молчание, и в нем голос Творческой. Сотни людей саукают рассказ Маргариты о ситяных по кельям, о том, как были вычеркнуты из ее жизни семь долгих лет. Еще более горькая доля досталась ее старшей сестре, Надежде. Амниция, авторизационное прозвание в бунках превели к тому, что она заболела туберкулезом, и ее пришлось положить в больницу.

— Суа мает!

В зале робкие, саужащие, учащиеся. В зале среди них — Зинаида Дикерова, Мира Струникова, бывшая проповедница Градислава...

На скамье подосумных Перевышин, Богатырева, Ильян, Карин.

— Именем Казахской Советской Социалистической Республики!

Четверо встали. Четверо, выпавшие из мрачных тьм, отправляются в свое последнее странствие...

Это только часть литературы, оставшей в сектантских собраниях. Многие книги были найдены брошюры антисоветского характера, которые печатались на пишущих машинках.

В КАРОВАХ АНГОЛИ

Перед вами кадры из фильма, снятого в Западной Ирландии в 1962 году, когда он еще был голландским пленником. Его автор, американский ученый-этнограф Роберт Гарднер, сам можно смело назвать обвинительным документом колониализма.

Несколько лет прожил Гарднер среди диннов, давших ему кров, и остался хладнокровным, равнодушным наблюдателем кровавых эпизодов. Ни слезы, ни добродетельности. «Ночью мы поднялись на вершину холма. Здесь — традиционная поле битвы. Здесь наши динновы будут идти противника. С утренинием голубыми туманами и хозму стали подходить вооруженные группы людей. О своем прибытии они сообщали паралель — криком диного голубя, обитающего в соседних лесах. С восходом солнца я развинул в бинокль высокую сторожевую вышину. С ее вершины наблюдал за приближением врага часовой. Воины были вооружены длинными копьями и луками. Я просто держал в руке авторучку, способную разрезать и нарисовать курчавое облако над нами. Мы были без орудия...»

Малькаат кадр. Сидящий на корточках диннов рассказывает:

«Когда-то, давным-давно, на тысячелетних холмах Новой Гвинии произошло состязание между змея и птицы. Победитель имел право дать человеку свой облик. Победила птица, но сбросила перья, она уверала. Змея же только сбила ножку — она была бессмертна. И с того времени люди, как и птицы, должны умирать...»

Зритель переживает брошенное копье: атака колонизаторов. «Сбивая атаку диннов, я чувствовал, что никогда больше не увижу более яркого и темперamentного зрелища. Я вспомнил Троя, Азенгур! и другие не менее ужасные драмы величайших мезовеческих конфликтов.»

Спокойной толой диннотра рассказывает с экраном:

«До последнего года для них война еще была религиозной, игрой, искусством с большой бунты и общия достижением человеческой цивилизации. Война стала навязчивой и постоянной мыслью для завлеченных динновом с пяти лет они узнают вкус копья и стрелы. Уме в этом возрасте они приучены в густой траве ходить в войну со свирепой жестокостью диннарей.»

«Я заметил, что их стрелы лишены оперения и не летели прямо в цель. Если бы их стрелы были оперены и, отсюда, более точные, конфликт принял бы другой оборот, более унизительный и более быстрый, менее привлекательный...»

Но все-таки и в этой войне убивают, и Гарднер гордо, как о научном подвиге, сообщает:

«В течение восьми месяцев лично я участвовал в четырех засадах и восьми болях — разумеется, с кинокамерой.»

На страницах журнала «Пари-матч» в апреле этого года Роберт Гарднер указывает: «Я этнограф, и в этом репортаже меня интересует только его научная сторона.»

Этнограф — это ученый, посвятивший себя изучению народов мира. Но разве только изучению?

«Истребление тамных рас не что иное, как применение грубой силы. Великий честный человек должен встать против злоупотреблений экор.» писал в 1877 году русский ученый-этнограф Н. Н. Минюхо-Малый, страстный борца за права угнетенных народов. «Разве можно изучать людей,— говорил он,— не сочувствуя их страданиям и радостям, не испытывая желания облегчить их судьбу?»

Н. Н. Минюхо-Малый лечил больных, учил островитян выращивать новые культурные растения, раздавал семена, спички, железные топоры и ножи, пытался предрать племенные войны. Любознато и людям, желанием искренне помочь им динтовался нашедший шаг ученого. И Минюхо-Малый превратился в «тамо бор-боро» — «Большого человека», друга и наставника папуасов Новой Гвинии.

«Я был защитником многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии в настоящее время отстаивать сами своих прав», — писал Минюхо-Малый, замечая с горечью, что мир не дорос еще до этого и что его приходы и колонизаторам всех мест пощадить островитян во имя справедливости и гуманности «походит на просьбу, обращенную и акулам, не быть таиним проморишашам.»

А вот другой ученый — этнограф Гарвардского университета США Роберт Гарднер. Он спокойно наблюдает, расположившись в стороне с кинокамерой, бой двух племен: выбирает удобные ракурсы и эффертные сцены.

«Забота» колонизаторов, запретивших междоусобные войны после гибели в джунглях Новой Гвинии сына миллионера Нельсона Рокфеллера, этнографа Майна Рокфеллера, оказалась запоздалой. Голландцы пришли убратся из Западного Ирианд, ассимилировавшись с Индонезийской республикой. Этногические кадры межплеменных войн станут памятником насаждающего прошлого.

1 Азенгур — место решающего сражения Столетней войны.

Когда в детстве читал «Взлетб Жюль Верна, Майн-Рид или Даниела Дефо, вряд ли осознаешь, что за жаждой интересом «что же дальше, чем же кончится» есть и другой интерес: накопление знаний о мире и человеке. Сюжет ведет, увлекает, захватывает, и не ощущаешь различия между, скажем, Стендерсом и какой-нибудь книжкой «про шпионов».

А когда-нибудь потом тебе попадается не детгазетное, а полное издание «Приключений Гулливера, видишь, что один из первых в мировой литературе приключенческо-фантастических романов несет в себе огромный философский и социальный содержание. И за необычными ситуациями того же Стендерсона вдруг отчетливо различаешь почти научное исследование зла как психической аномалии, как отклонения от нормы. И при имени Жюль Верна вспоминаешь не только благородного и таинственного капитана Немо или милого Пеганеля, но и их гуманизм и тот скандал научных фактов и сведений, которым ошарашены его герои и сюжеты. И десятки страниц, которые тратит Майн-Рид на описание экзотических мест действия своих романов, встают перед глазами. А уж о таком писателе, как Уэллс, и говорить не приходится: его социологические гипотезы оказываются интереснее самых невероятных фантастических сюжетов.

Социальные утопии и научные предсказания всегда были неотъемлемыми чертами жанра фантастики. Более того, они были его монополией. Во времена Жюль Верна и даже Уэллса ученые еще не брали на себя смелость предсказывать пути развития науки и человечества: нехватало точных, конкретных знаний. А писатели могли восполнить эти недостатки фантазией.

Сейчас положение изменилось. Одна за другой фантастические гипотезы и теории обретают реальную, научную основу или просто материализуются на наших глазах в космические ракеты, в атомные электростанции и подводные лодки, в электронные переводчики и шахматистов. И поэтому постепенно меняется само существо жанра. Один писатель продолжает заполнять страницы фантастических повестей и рассказов острейшими социальными научными и техническими чудес. Другой ищет о приключенческих мыслях.

В результате с нашим старым и любимым знакомым — приключенческим романом — происходит интереснейшее метаморфозы. На его страницах можно встретить вот такую, например, фразу: «Рассуждая априори, жизнеспособный организм должен обязательно обладать... защитными приспособлениями, потому что нарушения сложнейшей молекулярной программы замены изнашивающихся клеток организма могли случиться не раз в течение индивидуальной жизни и, следовательно, квадратный раз в истории развития высших позвоночных животных...» — фразу, вполне уместную в специальной биологической статье и даже написанную тяжеловатым научным языком.

Через несколько страниц можно познакомиться с мыслью уже из другой отрасли науки — из социологии: «Сомнение в хороших качествах человека породило насилие в его силы и способности, а насилие это привело к тлетворному пессимизму, опасению, что человек не выдержит будущего темпа цивилизации и сорвется в пропасть...» мыслью интересной, спорной и опять-таки необычной в приключенческом романе.

А еще через несколько страниц, наткнувшись на такой вот эпизод: «Человек, пытающийся поднять раненых женщин и весь залитый их кровью, яростным ударом сбил с ног второго бандита и наклонился над Давидом, не замечая, что третий, пожилой и ранен не замеченный в своей темной одежде, зенес над ним длинное, ядовитой остроты шило. Мгновение, и шило вошло бы под лопатку итальянца, прошил сердце, но на подступе уже бежал Лев со своим тяжелым автоматическим пистолетом...» Оказывается, это все-таки самый настоящий приключенческий роман, хотя его и можно местами принять за научный труд по медицине или социологии. Называется он «Лезвие бритвы»¹, и написал его Иван Ефремов — один из тех писателей, чьи книги меняют содержание жанра. При всей своей полноте гигантской эрудиции он не популяризатор. Он творец, ученый, его романы и рассказы — это как бы продолжение его научной деятельности.

Два романа в одном

Итак, «Лезвие бритвы». Стремительно мимлет сюжет, с кинематографической быстротой и силой действия. Бед, Амосов, Лавинин, Данилин, Рым, Мадарс, Брилл, Кейтман — из Европы в Англию, из Англии в Америку... Легендарная корона Александра Македонского, международный шпионаж, охотники за алмазами, похищение индийской танцовщицы, стланы, схваты, обсыски, поиски таинственных кристаллов.

И переносить со всем этим — лямента. О происхождении реальности. Об объективном идеале красоты. О шести тысячах поколений, укрывтой в под- сознании человека. И Аммодоходом, сколько, брошенные в легком разго- воре мысли, вот такие, например: «Распространение разных роков-роллаов, мамбо и так далее в Европе — это закономерности, результат роста го- родского населения и числа молодежи, на занятой активной деятельно- стью. Поэтому и такие танцы — явление почти социальное...» мысли не только интересные сами по себе, но и заставляющие себя самого думать дальше, открывающие новые точки зрения. Мысли, благодаря которым приключенческий роман становится подлинно интеллектуальным. (Это яство — интеллектуальность — порой путают с эрудированностью, кото- рую обнаруживает автор или его персонажи. Эрудированность Ефремова огромна, но факты и научные сведения для него не самоцель, а почва для развития мысли, гипотезы, теории.)

А действие тем временем перебарывается из страны в страну, с кон- тинента на континент. Возникают новые и новые сюжетные линии, появля- ются незнакомые персонажи и без предисловий включаются в дейст- вие.

Но, странное дело, чем острее становится ситуация, чем больше опасности угрожают героям, тем безразличнее становится читателю, удаст- ся ли художнику Чезаре Пирелли спастись от преследований международ- ного шпиона Дергазга, кому достанется корона Александра Македонского, в которую вставлены таинственные камни, лишające человека памяти, и освободит ли индийский скульптор Раммурти свою возлюбленную из рук киндоловцев. Вероятно, это происходит потому, что и сам автор как будто теряет интерес к приключениям своих героев: все сюжетные линии стремительно и как-то несвязно завершаются на последних четырех страни- цах.

Но интерес не исчезает — он перекладывается на подлинных героев этого романа, постепенно выступающих на первый план. Эти герои — человек и наука. Их судьбы, взятые во времени и развитии, освещенные эрудицией ученого и интеллектом мыслителя, более драматичны и захва- тывающе сильнее, чем похищение индийской танцовщицы и итальянской кра- савицы. Это тоже новая черта жанра: читая приключенческую классику, отдавали предпочтение делу так называемому «повзвательному элементу», но интересвались все-таки больше всего сюжетом.

А в «Лезвие бритвы» не так. Рассказы о человеке, о человечестве, о его труде и философском пути из каменного века в век атома и космоса, о могучем, заложенном в него природой стремлении к физическому и духовному совершенству — самое интересное и волнующее в романе. Приключенческому роману всегда был необходим герой, которому полно- стью и безраздельно отдавна любовь, читателя, которому сопутствуют, за которого волнуются, даже отлично зная, что по законам жанра он обязательно должен восторжествовать. В «Лезвие бритвы» таким героем становится прежде всего Человек, стремящийся к знанию.

Но ограничиться только этим значило бы превратить приключенческий роман в философский — жанр требует конкретного героя. И, конечно, в таком романе он должен чем-то существенным отличаться от своих лите- ратурных предшественников. Так оно и есть. В ученом Иване Гирине мы находим все, что положено герою приключенческого романа: мужество, человечность, душевное благородство. Но главное в нем — интелле- туальность; самая большая его сила и самое мощное оружие — мысль.

Мысли Гириня рождаются у нас на глазах из конкретных и, казалось бы, незначительных наблюдений и фактов. Но в зоопарке спутница Гириня, Симя, замечает, что у разных животных разное выражение глаз, — и интел- лектуально моментально связывает мысль, развивает ее и приходит к идее сверхъестественного анализа психических процессов животных.

От факта к мысли, от мысли к гипотезе, от гипотезы к теории — это путь ученого. В «Лезвие бритвы» этим путем ведет своего героя писатель, расширяя обобщирания, до банальности известные понятия, доводя до подлинной философской глубины диалектику природы и человека. Еще и сегодня человек несет в себе тяжелый груз заблуждений, пережитков, ошибок, отклонений от нормы, отклонений от более чистых, что норма, золотая середина — это и есть, по Ефремову, то самое лезвие бритвы, что стоит в заглавии романа. Она очень трудно достижима, эта норма, это равновесие между физическим и духовным, между целесообразностью и утонченностью, между всеми диалектическими противоречиями, движущими вперед природу, человека и общество. Достичь ее помогают знание, наука. Она объясняет человеку его самого. Она становится оружием Гириня. На столько острое, познание. Не оружие в борьбе.

Особенно ценно в романе Ефремова то, что борьба эта ведется на Земле и во имя земных целей. Дело в том, что слишком уж часто в совре- менной фантастике арены приключений и подвигов становятся космос, далекие планеты. Писатели изобретают космические корбли, сверхмощные источники энергии, нитрогенных роботов, обильно используют все виды своих героев и отсылают их куда-нибудь за десяток-другой световых лет,

¹ «Жизнь», 1963 год, №№ 6—8.

словно на Земле нельзя найти приложенье тем могучим силам, которые дедет человеку наука, словно решены уже все земные проблемы и самая главная из них — социальное и индивидуальное бытие человека, — и великие свершения возможны лишь в межзвездных просторах.

Гирин, живущий на Земле и занимающийся исключительно земными делами, убедительно доказывает обратное. Можно даже извлечь из его биографии все экзотические приключения, в которых он участвует, его труд не станет менее захватывающим, менее романтичным. Приключения мысли на становятся менее увлекательными оттого, что происходят они не в соседней галактике, а на художественной выставке, в лекционном зале или лаборатории.

Еремов пишет о науке, обращенной в сегодняшний день, к сегодняшнему человеку, науке действенной, сражающейся, изменяющей мир и человека.

Она становится вторым главным героем романа. («Лезвия бритвы» еще подзаголовок — «роман приключений»; вернее было бы написать «роман приключений мысли»). Обнаруживается связь между различными ее отраслями: физиология переходит в эстетику, философию, психологию, палеонтологию. Открывается социальное значение научных достижений. И все осмысливается и объединяется наукой наук — материалистической диалектикой, единственным средством, дающим возможность найти ту утку, подобную лезвию бритвы, дорогу духовного самосознания, которая ведет в будущее.

Такая насыщенность приключенческого романа научными проблемами может показаться чрезмерной. Да и сам автор в предисловии предупреждает о «классической» форме изложения. Читатель, привыкший, что приключенческий роман — это обязательно что-то вроде «Медной пугавцы» или «Атланты», Эв, наткнувшись на лекции Гирин, будет, пожалуй, озадачен и, может быть, с возмущением отложит журнал, решив, что его обманули, послушав что-то умное вместо ожидаемого «легкого» чтения. Он еще есть, этот читатель, и было бы смешно не признавать его существования. Он и в «Лезвия бритвы» может натренированным чутьем ухватить сюжет, автоматически пропуская все для него неинтересное.

Результате, можно лишь пожалеть того охотника за сюжетом. Для него будет потеряно самое главное в книге, самое захватывающее: красота мысли, процесс ее рождения, развития, обогащения опытом и обобщения.

Ну а другому читателю, тому, на которого, собственно, и рассчитан роман, тому, который давно уже увидел в Еремово мудрого и знающего собеседника, проводника на ведущих в будущее дорогах современной науки, приключения эзотических, но в общем-то карточных персонажей, могут, пожалуй, показаться малинтересными по сравнению с приключенческими мыслями. Этот читатель не отложит журнал, дочтает до конца, узнает все, что хочет сказать ему писатель. Но ощущение потерянного на сюжет времени все же останется.

И возникает вопрос: а стоило ли давать книгу два адреса? Стоило ли максимизировать остроту мысли приключенческой? Ведь те, кого только эта приманка и интересует, вполне могут проглотить ее, не заинтересовавшись главным. Конечно, не все: кто-то, наверное, заинтересуется, для кого-то «Лезвия бритвы» может стать первой книгой, воспринятой серьезно. Но будет ли это достоянием цивилизации за потерянную цельность романа? Сейчас разделение на то, о чем писатель вполне рассказывает, и то, чем он рассчитывает увлечь читателя, ощущается весьма отчетливо.

Единство возможно

Но, может быть, это недостаток романа, а жанра? Ведь и у Жюль Верна есть лекции, и в десятках современных приключенческих и фантастических книг «начувая» и «соединяя» части существуют рядом, почти не соприкасаясь и тем более не сливаясь. Роль сюжета в приключенческом жанре известна: в острых ситуациях проявляются характеры героев.

Тем не менее единство возможно. Доказательств этому — книги самого Еремова, в которых есть эта цельность, единство событий и проблем, поступков и размышлений; он сам доказал, что приключенческий роман может быть интеллектуальным, научным, проблемным, не распадаясь внутренне. Роман «на краю Обсужения» тоже можно назвать приключенческим, а между тем проблема, которую ставит в этой книге писатель — становление эстетического идеала, — в чем-то перекликается с проблематикой «Лезвия бритвы». Но решается она непосредственно в сюжете. Приключения героя, эллипсис скульптора Павидона, если можно так выразиться, создавая форму, формируют духовный мир, но не понимают прекрасного. И в известной «туманности Андромеды» сюжет определяет решение проблем будущего коммунистического общества.

А в «Лезвия бритвы» события и размышления или разобини, или связаны чересчур приключенчно. Вот пример. Мысли Гириня, наблюдающего за Симой, которой он только что предложил стать его женой: «Стремление к transparency и загадочности... вызвано ожиданием глубины, необыкновенности, разнообразия. Если же за первым впечатлением открывается мелкая, как блюды, душа, то это вызывает моментальную реакцию разочарования, то есть устойчивое торможение...» Здесь научный взгляд на мир, научный анализ и терминология уже мешают: слишком неподходящий момент. Можно понять человека, терпящего в момент высшего эмоционального влета контроль разума над чувствами. Почти же Гириня, пристраивающего к яркой, глубокой, наполненной, эмоциональной жизни и остающегося холодным аналитиком своих чувств в самый момент их возникновения, значительно труднее. Красота мысли переходит в сухость, точность анализа не столько радует, сколько огорчает.

Растворение научной и философской проблематики в образной ткани произведения — проблема не только приключенческо-фантастического жанра. Но здесь она стоит наиболее остро, потому что слушав удачного ее решения еще очень редко, потому что еще никто чисто литературный уровень большинства произведений, Еремова в этом не упрямился. Причина рационализма «Лезвия бритвы» кроется, вероятно, в злободневности проблем романа: писателю необходимо было говорить о них впрямую, и художник отступил на второй план перед философом, социологом, публицистом.

Вероятно, помешало и то, что Гирин — это не столько литературный герой, сколько рупор автора, полномочный его представитель. Он рассказывает, объясняет, комментирует, читает лекции, и рассказ о человеке при всей своей увлекательности становится слишком обобщенным. Роману явно не хватает живого человека, не комментирующего проблемы, а участвующего в их решении. Именно здесь прохладит путь к цельности, именно живой человек необходим научному роману о человеке.

Убеждаешься в этом, читая «Соларис» Станислава Лема.

Это фантастический роман, но его можно считать и приключенческим. Его основной мысль Лем формулирует так: «Среди звезд нас ждет Невестное». А раньше неизвестное мдало людей в джунглях Африки или на неоткрытых архипелагах. Неизвестное у Лема есть и непостижимое: это качественно иная цивилизация, гигантский океан-мозг, покрывающий далекую планету Соларис. Сюжет — поиск контакта с этим сверхфантастическим существом, поиски многолетние, безуспешные и односторонние: океан никак не реагирует на попытки людей.

Потом на исследовательской станции Солариса появляются непонятные существа. Постепенно выясняется, что созданы они океаном, а рецепт создания непонятным образом извлечен из сознания ученых станции; это их материализованные мечты, воспоминания, переживания.

Переживания героев в этих ситуациях можно в самом буквальном смысле назвать человеческими. Но именно в эти переживания и ситуации рождается тема романа — величие человека. Это величие проявляется в героизме романа: пройдя через человеческие испытания, они все-таки остаются на этой планете. Остаются потому, что впервые за десятилетия появилась надежда на осуществление контакта. Надежда на знание, на постижение истины — вечный и могучий источник движения вперед. Остаются, готовые и новым извет быть, еще более углубленным испытанием. Так раскрывается тема и одновременно закрывается сюжет романа. Отдельно одно от другого невозможно, как невозможно сформулировать тему, не пересказав, хотя бы предельно упрощенно, сюжет. А говоря о «Лезвия бритвы», и сомнительно, возможно изложить все научные и философские проблемы произведения, ни словом не упомянув о действии романа. Но у Еремова это хоть компенсируется в какой-то степени важностью и интересностью самих проблем. А вот когда читатель в очередном фантастическом рассказе длиннейшие популярны лекции по электронике или кибернетике или подробнейшие описания техники будущего, становится просто скучно, потому что все это не более чем научно-технический интрузж для стандартных сюжетных схем приключенческого романа.

Самыми захватывающими приключениями все чаще становятся приключения мысли. Именно этот вывод дельный, пытаясь разобраться в достоянии фантастики, может сделать Иван Еремов, именно этих приключений ищешь — и часто не находишь — во многих сегодняшних приключенческо-фантастических романах и рассказах даже за самыми острыми и сногшибательными сюжетами.

Фантазия писателя долгов времени шла рука об руку с фантазией ученых — естественствозаветей и социологов, а иногда и опережала ее. То, что пытался делать это сегодня, обречена на популярностростр: фонари ракеты в современном романе менее фантастична, чем «Натугилс» у Жюль Верна. Остается другой путь, тот, что намечается в творчестве Еремова — это осмысление непопулярной науки, богатства, взаимодобываясь, взаимодобывая науки и человека, создающего ее, изменяющего себя и мир с ее помощью.

КТО ОНИ, ДЕБОТАНТЫ СЕЗОНА?

Вот и закончился полуторамесячный антракт в футбольном чемпионате страны. Сегодня лишь четверть всех матчей, и рано говорить о реальных претендентах на золото, серебро и бронзу. Зато начинают выявляться первые кандидаты на призы нашего журнала — молодые игроки — дебютанты сезона (см. «Смена» № 6, 1964).

Их более тридцати — новичков основных составов команд первой подгруппы класса «А». Среди них представители всех футбольных специальностей: вратари, защитники, полузащитники, нападающие. На первом месте идет ЦСКА. Армейцы опробовали в прошедших играх, и довольно успешно, защитников Анатолия Щелбакова, Юрия Резникова и Александра Зосимова, полузащитника Владимира Кошарникова, нападающих Константина Касимовского и Владимира Полякова. Все они показали уверенную игру, и думается, что именно в этих талантливых футболистах, так сказать, «корневых» армейцах, залог будущих успехов неординарного чемпиона страны.

Особое внимание специалистов привлекает двое молодых нападающих, ознаменовавших свои дебюты первыми забитыми голами. Это Анатолий Банишевский («Нефтяники Баку») и Юрий Аверуцкий («Динамо Москва»).

Десятикласснику Тоне Банишевскому всего 18 лет, он воспитанник бкинского «Локомотива». В прошлом сезоне сыграл 5 матчей за дубль «Нефтяники», в которых забил 3 гола. Он является центрофорвардом юношеской сборной страны и в этом смысле стареет во всем походить на своего любимого футболиста Виктора Понедельника. Первый свой гол

в переносе СССР Банишевский забил 11 апреля в Баку в ворота ЦСКА.

Юрий Аверуцкий — предшественник Анатолия в юношеской сборной. Сейчас ему 20 лет. Игровая история появления Аверуцкого в московском «Динамо». Два года назад динамовцы встретились в товарищеском матче с «Вымпелом» — командой класса «В» из Калининграда (Московская область). Чуть своего родного города в этой игре защищал Аверуцкий. Встреча закончилась почетной для калининградцев ничьей — 3:3, причем два мяча в ворота «Динамо» забил Юрий. Способный форвард, умело выбиравший место для нанесения решающего удара, заинтересовал динамовских тренеров, и его пригласили защищать цвета прославленного клуба. Аверуцкий свой первый гол в основном составе московский забил 30 апреля в игре с бкинской «Нефтяником». Как известно, встреча эта закончилась ничьей — 1:1, интересно, что ответный гол бкинцы забил с подачи Банишевского.

И в заключение о вратарях-дебютантах. Их пока только двое: 28-летний мичуринский Вячеслав Симаков, выступавший ранее за смоленский «Спартак», и 25-летний Валерий Балков, перешедший в альятинский «Айрат», из команды «Авария» (Самарлополь). Не говорит ли это о том, что в командах мастеров класса «А» не уделяют должного внимания подготовке молодых вратарей?

Эскиз памятного жетона, который будет награждены обладатели лучших дебютантов 1964 года, выполнил художник А. Шаповал.

ПОЧЕРК ИГОРЯ НЕТТО

Игорь Нетто в содружестве со спортивным журналистом Михаилом Александровым написал книгу про «Футбол», только что вышедшую двухтомно в издательстве «Физкультура и спорт».

Это не воспоминания в прямом смысле слова. Пять глав книги — пять очерков о наиболее интересных событиях в нашем послевоенном футболе. Рассказы о московском «Спартаке» и сборной СССР рассказываются в основном по материалам о победах и неудачах, рассказывает автору, интересно, самодостаточно. Олимпиады в Хельсинки и Мельбурне, первенства мира в Швеции и Чили, Кубок мира — вот этапы развития нашего футбола, и вместе с тем это биография Игоря Нетто, отдавшего большому спорту 16 лет, два года — час за часом.

Когда мы хотим похвалить футболиста за умно, изящную игру, то говорим: «Неттоский почерк». Приятно читать этот знакомый почерк и в книге.

Публикации «Смены»

Мало кто знает, что Ярослав Гашек, прославленный автор «Похожений брового солдата Швейка», некогда разбрасал в спорте и не раз выступал в газетах со спортивными фелетонами. Один из них, напечатанный в 1911 году и впервые переведенный на русский язык, мы и предлагаем вниманию читателей «Смены». Фелетон печатается с незначительными сокращениями.

Ярослав ГАШЕК

ПОЧЕМУ ГИГАНТЫ? ПОСМОТРИТЕ НА ГОЛОВЫ!

Следовательно, в ратуне мы официально представляем слушания акционерного общества «Абердин».

Заметьте: мэра города ни о гордах сынах шотландских гор, те же, наверное, недоуменно, покажут, кто из них не умеет ничего иного, как подбрасывать мям головами, сталкиваться с игроками, приводить какие-то сравнения, говорить о различном характерном соборе, о изначии чистого посп, о пробуждении чешского народа. Затем они сновом инии «Гаваничи» чешский гост и публицист XIX века... Ред и, желая показать, что вы, конечно, знакомы это имя, спрашивают:

«Сколько голов?»

И один за другим следуют вопросы: «Когда Галичи в последний раз играл за «Славанию»? Здоров ли он? Был ли подвояном по мячу?»

Уехали домой одиннадцать монгилов из Абердина. Один матч они проиграли, другой — выиграли. Играть головами, дрифировали, были по мячу, делали передачи. Игроки зарплатны и сuttonны, зато они сыграв чарованы и специальные медали, которые им вручили в ратуне.

У них совершенно перенулались в голову все то, что они видели, но больше всего они жалуют, что ты и не вынесли до конца, сколько голов забил мяч. Ты Гус и в явной командой вы играл. Мы не проводили в своих газетах одиннадцать разьяснений-профессораов следующим спортсменам:

«Почему годы твои правдивости, тоски; чтобы сыграть в ратуне с солонями, сыграв не возможным в будущем непознорезную мякау. Больше всего в ратуне с гордами выиграв шотландских гор, которые лучше свои сами отдают славе Дорогой Отчизне!»

Мания Станар? Сколько голов?

А. МАСЛЕННИКОВ

Ю. БОЯНОВ

А. ИСАКОВ

динамовец Заур Калоев (115 голов в 249 матчах) и горде, донец Валентин Мишев (106 голов в 290 играх). Всего же командой заслуженных забито в ворота противников 437 мячей.

И еще одна цифра: средний возраст игроков этой команды — 32,4 года. Многовато! Для опытных, талантливых футболистов годы не помеха. Напомним, что средний возраст игроков сборной Швеции, встречающейся в конце мая с нашей командой — 31 год.

«Важно биться ваше сердце, когда вы читаете: «Наша маленькая нация только что пережила втягивание радостного ожидания, адоления и чувство особой гордости».

А речь идет всего-навсего о торжественном выступлении шотландских футболистов Праге.

Правда, за которую напуганные наши сыны жертвовали своей кровью или положением, прозиомую, Шафрану, Юнгману и целую ряду наших бундней (детены чешского Возрождения XIX века... Ред, пришла «Славия» и забил три мяча в ворота «Абердина», которые, в свою очередь, тоже два гола котопилим народа, а течение столетий чувствозавую суровую рину узораторов».

В чисто чешских местностях раскинулись германизированные железные дороги. Если вы очутитесь там, вы забудете, что вы в ратуне, а вы за что не продает ваш билет, спрешенный на чешском языке. В дальних областях поливания с чешскими цинковыми облучением страшно скандальной. И вот тут признает «Абердин», а «Славия» его обгравывает — 3:2! Какой быльшая разница между культурами! Гордость муниципалитет представляет футболиста особые привилегии в ратуне, водит их в каретах, потучает, устраивает банкет, и англочешские связи уже налажены.

В ратуне официально приветствовали 11 абердинских футболистов, которые вообще не сыграв, где-то гонимы были. Прага или Будапеште. Ване или Бреславе. Эти люди заботится прежде всего о своих сuttonах, а своей заработной плате. В ратуне управленем акционерного общества «Абердин» директором Вильяма Динери, Диевеса Финлига и зубного врача Диевеса Элиаса Минги. Эти господа получают ежегодные доходы в сто тысяч фунтов и хорошо платят своему клубу. Это, конечно, в ратуне, именуемому жетоном, который приносит ему призы.

Анкета МИШУ

Дорогой товарищ!

Редация будет очень признательна, если Вы ответите на вопросы этой анкеты. Ваши ответы помогут нам в работе над очередными номерами журнала.

Фамилия, имя, отчество, возраст: _____

Образование, профессия: _____

Какие материалы, опубликованные в этом году, Вам особенно понравились, запомнились? Почему?

Какие важные темы и проблемы журнала, по Вашему мнению, освещает недостаточно?

Каково Ваше мнение об оформлении журнала?

ЛИНИЯ ОБРЕЗА

ВСТРЕЧА С ВЕК

С интервалом в 100 секунд стремительно мчатся голубые аппараты с мощными прожекторами, освещая туннели, проложенные метроостроительщиками под Москвой реку. А ведь первая попытка вырыть ход под рекой была предпринята еще в 1657 году. Там, где возводил ныне Новорязанский мост, появились «рабочие люди с стачками и лопатами и начали чистить поддон к берегу, подпопное дело делал под Москвою реку». Любопытное известие об этом впервые было начертано в 4-й книге журнала «Москвитинца» за 1941 год. В руки его издателя профессора русской истории Московского университета М. П. Погодина попал старинный документ с описанием смелой попытки русского человека Василия Мартыновича Азанчева, родом из Смоленска, прорыть туннель. Этот документ под заглавием «Труннель под Москвою рекою в 1657 году» был впечатан в журнале с небольшим предисловием, в котором Погодин пишет: «Между тем, как архивные сюжеты, кому принадлежит мысль о подземных ходах, у нас на Руси они правдоподобны были в последние еще в XVII веке. С особенным удовольствием помещаем этот

драгоценный отрывок в доказательство, что и до Петра Первого у нас были люди умные и изобретательные».

«В нынешнем во 166 году (то есть в 1657 г. — Н. В.) ноября в 2 день, по Государеву Царю и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца Указу, смоланкин (то есть уроженец города Смоленска. — Н. В.) Азанчев пошел подпопное дело делать, по высмоту ру своему за Пречистенскими воротами в землемном городе, пояди Остоженко двора, от Моском реки за 35 сажень в выкопан был к подпопу вход погребом в длину 4 сажени, поперек 2 сажени, вшиз 15 ступеней, и до нижней ступени в ступицу 2 сажени и в том месте объявлялся вынос из под стены вода и тое воду вылавлял демя, а ничево ему не убоило и выносил Азанчев сказал, что де тое воду унять ничем нельзя... и в том де месте подпопу ему делать не было».

И тогда подпопное дело делать снова выше того за 35 сажень, а от реки за 70 сажень, и выкопан был против прежнего и подпопу ход, и нно вход подпопу 2 сажени без чети, а сину

зу объявлялся вода ж и тое воду из подпопу вылавлял демя, да ночь, и тое воды ничево не убоило; а Василий Азанчев сказал, что и в том месте от воды подпопу делать нельзяж и то Василий... сказал: осмотрел де он к подпопу место против Новинского монастыря, повесть подпопом под Москву реку с берегу».

И Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, указав подпоп делати Василию Азанчеву в третьем месте против Новинского монастыря, а в прежнем месте, где почато, не делати».

Из документа не видно, чем кончилась эта работа. Однако, предвстия себе тогдашнее состояние техники, не трудно прийти к выводу, что все, начато, окончилось неудачей. Если также, что у Азанчева был большой опыт по устройству подземных ходов, ничево б ему не доверили такое ответственное и сложное дело. Оублаженный. Подпопным документ — единственное свидетельство смелой попытки русских мастеров прорыть подземный ход, но в нем не сказано, почему и у кого возникла

эта мысль. Из документа, однако, видно, что все работы производились с ведома и разрешения самого царя Алексея Михайловича и под непосредственным наблюдением боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукова. Следовательно, этим подземным работам придавалось важное значение. Очевидно, правительство хотело иметь речными частями города из слухай, например, наводнения. Не менее важную роль играли, конечно, и военные соображения.

Умный и изобретательный, по характеристике Погодина, Василий Азанчев был первым русским метроостроителем. Родился он в Смоленске. Год его рождения и смерти неизвестен. В 1658 году царь Алексей Михайлович пожелал его в «москвитинца доирити», что считалось тогда великой честью. У него были потомки, носившие фамилию Азанчевых и Азанчевых-Азанчевские. Один из них участвовал в Воровском сражении.

Н. БЕЛЯНИКОВ

МЕСТО
ДЛЯ МАРКИ

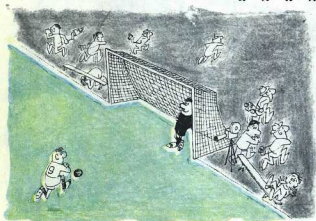
СМЕНА

Москва, А-47,
Бумажный пр., 14
Редакция журнала

ОБРАТНЫЙ АДРЕС:

**АНКЕТА
СМЕНЫ
АНКЕТА
СМЕНЫ
АНКЕТА
СМЕНЫ**

Л И Н И Я О Б Р Е З А

БЕЗ СЛОВ

СОРЕВНОВАНИЯ ПО
ТОДАКНИЮ ЛЮДА
ОБЪЯВЛЯЮТСЯ
КРЫТЫМИ

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

— ЭТОТ. НАКОНЕЦ!
— НЕТ, ДОКТОР!

Рисунок
В. БЛАНКМАНА

НОЧЛЕГ АВТОТУРИСТОВ

Рисунок В. ВОРОНЦОВА

Первая страница об-
ложки мчится закатом
дымками. Накладка брызг от-
мечают его стремительный
бег. Водные лыжи становят-
ся любимым видом спорта
нашей молодежи.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87, отдел литературы и ис-
кусства — В 8-61-63, отдел очерков и публицисти-
ки — Д 3-31-63, монтажно-редакционная — Д 3-31-50,
физкультуры и спорта — Д 3-30-87, писем —
Д 3-30-47, науки и техники — Д 3-31-66, инфор-
мации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Сможик.
Редакторы Ю. Н. Верченко, Е. А. Долма-
товский, И. Н. Замоскин, Е. И. Иванов [заместитель
главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Кра-
вский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчинко,
А. Б. Стуков.

Формирование О. Безухова.

Технический редактор Н. Вуджинна.

А 00427 Подписано к печати 24.VI 1964 г.
Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1182.
Знак № 1551. Формат бумаги 70 × 108¹/₂.
3 бум. л. — 5,43 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рукопись не возвращается.

В умеренном движении

Пожадай, трудо найди у нас человека, который не знал бы таких песен, как «Мы за мир», «Марш советской молодежи», «Родина, любимая моя». И, конечно, все это вышло из колодезя, создателя этих песен, Сергея Туликова. Ему исполнилось пятьдесят лет — это возраст творческой зрелости, и позволить этого, как это принято на юбилее, в данном случае рано.

Песни С. Туликова звучали на всех международных фестивалях молодежи и студентов. Их слыли на многих языках мира. Что же сделало произведения композитора столь популярными у нас и за рубежом?

Музыковеды считают Туликова мастером музыкально-политического плаката. Показай, это — довольно точное определение. Именно в жанре эрадикационных песен проявилось наиболее полно яркая напевность интонаций с сильными волевыми ритмами; в каждом своем произведении он умеет найти яркую и броскую, предельно обобщенную и выразительную тему. Именно это умение композитора пропустить в мир современника и говорить с ним языком и страстным языком сделало песни С. Туликова такими популярными в многомиллионной аудитории.

Но мы знаем С. Туликова и как автора лирических песен, и они не менее популярны у слушателей. Сегодня мы приблидем кочку лирических песен композитора. Хочется думать, что и эта работа С. Туликова встанет в ряд его лучших достижений.

В. СЕРЕЖНИКОВ

Слова
М. ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка
С. ТУЛИКОВА

Все тебе к лицу идет —
И круглые брови рзлетел,
И сверкают рождиком,
Щедрой тучей брошенной,
И пушистыя альбы цвет,
И звезды зеленой свет —
Все тебе к лицу идет,
Моя хороша!

Все тебе к лицу идет —
И зря, и небесод,
И вихором цветная
В белую горошину,
Лента синая реки,
И ромашек лепестки —
Все тебе к лицу идет,
Моя хороша!

Все тебе к лицу идет —
И березок хорювод,
И тропинка луговая,
Травками поросшая,
А еще тебе идет
Тот, кто под руку ведет,
Это я с тобой иду,
Моя хороша!

Составил В. ГАВРИЛОВ
г. Москва

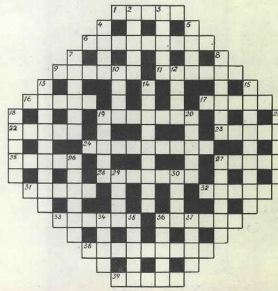
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Русский электротехник, изобретатель гальванопластики.
6. Опера П. И. Чайковского. В. Один из основоположников русской илинической медицины.
11. Студия для переводов недетерминированных.
16. Мера веса драгоценных камней.
17. Птица, обитающая на болотах.
19. Сюжетная линия в драматическом произведении.
22. Залив Красного моря.
23. Советская митобойная флотилия.
24. Поэма Г. Г. Шевченко.
25. Озеро в Финляндии.
27. Шахматная фигура.
28. Капитан советского ледокового флота.
31. Сирень в Древней Греции.
32. Народная лирическая песня русских и молдаван.
33. Героическая драма Гёте.
36. Город в Польше.
38. Советский минорансер.
39. Горная система в Африке.

По вертикали:

2. Рассказ М. Горького.
3. Город в Белоруссии.
4. Велорусский советский поэт.
5. Река в Канаде.
7. Жанр камерной музыки.
8. Город в Швейцарии.
9. Герой романа Д. Лондона.
12. Поэт-певец и музыкант Армении и Азербайджана.
13. Автор трилогии «Родина».
14. Лирическое музыкальное произведение.
15. Художественный рукописный альбом «Березка».
18. Роман М. Ю. Лермонтова.
19. Автор поэмы «Суд лавины».
20. Длинная веревка для ловли лошадей.
21. Подрозделение в систематике животных.
26. Лесная певчая птица.
27. Советский писатель.
29. Видоизмененный мислород.
30. Герой древнегреческой легенды.
34. Крупный морской рак.
35. Волшебная прозямая дорога.
36. Деятельная единица Челюскинцев.
37. Полониметрический зарядный элемент.

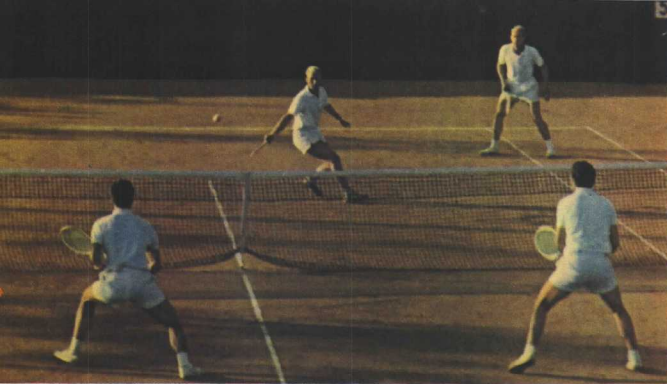
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

7. Боровиковский.
10. Федотова.
11. Николаев.
15. Эрбий.
16. Дюваль.
17. Бобол.
20. Адровая.
23. Фабрика.
25. Сцен.
26. Сага.
27. Ассольманшир.
28. Трип.
30. Маль.
31. Крайня.
32. Газолин.
33. Поннарс.
36. Совет.
37. Рафранто.
38. Рукин.
41. Вереска.
43. Анденга.
44. Кривжиковенев.

По вертикали:

1. Фотон.
2. Водона.
3. Вила.
4. Гурн.
5. Осонорн.
6. Висла.
8. Негонган.
9. Менелес.
12. Трансформатор.
13. «Интернационал».
14. Архидьякшин.
16. Дельневей.
19. Минорон.
21. Таймер.
23. Спринг.
26. Прометей.
30. Маршрут.
34. Реметте.
35. Момайск.
39. Гегри.
40. Гелит.
42. Вран.
43. Азон.

Квартет молодых: Р. Сивохин и М. Мозер (на втором плане) против А. Метревели и Н. Мдзимаршвили.

Многие любители спорта привыкли говорить о нашем теннисе в пессимистических тонах. Недавнее поражение от сборной ФРГ в розыгрыше кубка Дэвиса стало еще одним поводом для критики наших молодых мастеров.

Анна Дмитриева, Тоомас Лейус, Александр Метревели, Сергей Лихачев — эти имена наших «первых ракеток» говорят о многом. Им лишь немногим более двадцати лет, но они не только с успехом заменили местных лидеров прошлых лет, но и значительно обогнали их и в технике и в тактике. Молодежь набирается опыта, оттачивает свое мастерство в единоборствах с лучшими представителями теннисных держав мира.

И, думаю, недалек день, когда немногочисленный пока отряд оптимистов будет праздновать победы нашей молодежи, успешно постигающей «тайны» большого тенниса.

Михаил Мозер поздравляет Тоомаса Лейуса с победой. Рядом — его партнер по парной игре Сергей Лихачев.

Анна Дмитриева — первая ракетка страны.

И такое случается в теннисе. После дождя площадку сушат огнем.

Фото В. ТЮКЕЛЯ

